

Виталий ЩИГЕЛЬСКИЙ

Виталий Щигельский родился в 1967 году в Ленинграде. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Нева», «Новый мир», «Зинзивер». В «Волге» печатались рассказы (2013, 2014, 2021). Автор нескольких книг прозы. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАДАНИЕ

Повесть

Глава 1. Калюжный

Как все началось?

Так и началось – как обычно все начинается: вызвал генерал Каплунов, выдал конверт с заданием, с грифом секретности «после прочтения съесть». Сейчас это легче, чем раньше, – бумага тонкая, мягкая, даже как будто подслащенная.

Дальше тоже все просто: вышли на указанные координаты и выполнили задачу.

Вы хотите больше подробностей? И зачем? А, вы писатель... книгу собираетесь написать. В назидание подрастающим поколениям, чтобы с нас пример брали. Неплохая затея. Удостоверение есть у вас?

Так, такой такой-то, благонадежен, женат, член союза... с такого-то года. Прекрасно. Забирайте документ, доставайте блокнот. Расскажу поподробней, но не выходя за пределы гостайны. Это значит, что в моем повествовании многое окажется недосказанным, нелогичным и непонятным, что-то – вовсе дурацким, но, как член союза, вы должны понимать: один неосторожный чих, один бесконтрольный, извините за выражение, пук, и ту-ту – утечет наш биоматериальчик на запад. И спустя девять месяцев расшифруют их ученые наш уникальный геном и наделают копий гагариных, менделеевых, бузовых и валуевых, а нас с вами зомбируют и сделают идиотами окончательно. Давайте поступим так: я буду рассказывать все без обиняков, а вы перепишите сказанное эзоповым языком. Это для того, чтобы нашему человеку, особенно молодому, все было предельно понятно, а предполагаемому противнику, наоборот, – ничего, словно я безумен, и вы тоже безумен, и мы с вами беседу ведем не внутри железных пределов самой великой страны, а в дурдоме. Есть вопросы?

Тогда я начинаю. Каплунов вызвал меня под утро. Как у нас принято, способом, не предусматривающим огласки, когда ни сотовая связь, ни интернет не используются, тем более проводные стационарные телефоны.

Было три сорок утра, я спал на полу, я всегда сплю на полу, положив гантели под голову, чтобы тело закаливалось и чтобы не болел позвоночник. Доложу вам для справки: я всю жизнь воспитываю в себе толерантность к мучениям и мукам, на случай если поймут враги и станут пытаться. Я могу два часа простоять под ледяным душем. Могу сорок суток жить без еды, могу трое суток совсем не пить воду, а могу, наоборот, десять дней пить один технический этанол...

Ровно в три сорок две, сорок три – Каплунов пунктуален до десятой доли минуты – в дверь моей квартиры раздался стук. Стукнули один раз, но зато профессионально, пневмотараном, – и дверь выпала из проема, как из десны выпадает молочный зуб. К этому моменту я уже догадался, что меня хочет видеть Сан Саныч, и что демонстрирует он не столько агрессию, сколько браваду и удаль. Зря смеетесь, товарищ писатель, если бы генерал был настроен решительно, он бы стер меня с лица земли вместе со всем

подъездом через взрыв бытового газа или пустил дом под снос в рамках программы реновации...

Если не верите, спросите у Баулова. Он старший следователь и, можно сказать, собаку съел на подобных делах.

В общем, дверь в квартиру отвалилась с первого же удара. С комнатной оказалось сложнее, как-никак я тоже со спецподготовкой. Я, если дома ночью, перед сном дверь в каюту задраиваю, как на подлодке, – это восемь титановых штырей, каждый в стену уходит на метр. Так что этот клинкет парни Каплунова долбили долго, уложили только вместе со стеной. К этому моменту я успел побриться и одеться, и побрызгаться одеколоном. Я ждал их в парадной форме, с орденой колодкой. Только вместо фуражки надел черный пластиковый пакет. Без мешка на голове к Каплунову попасть невозможно, он человек осторожный и локацией с кем попало не делится. Впрочем, пол-Москвы знает, что его кабинет располагается в бункере у Старой площади, под Горбатым мостом. Это называется уважение. Уважение и трепет...

Под Горбатый мост меня и доставили. Дороги я видеть не мог, но внимательно считал повороты и остановки на светофорах. Как только машина взобралась на мост, внутрь мешка на моей голове впрыснули что-то едкое, и я погрузился в приятный почти ненасильственный сон.

Проснулся я от голоса генерала в его кабинете. Я чувствовал себя бодрым и заряженным, готовым к труду и подвигу, как после бани по-черному. И только легкая диплопия, удваивающая количество предметов и личностей в кабинете (стола красного дерева, огромного сейфа, в котором можно было разместить пару задержанных, Сан Саныча и, наконец, портрета Верховного Главнокомандующего) – свидетельствовала о том, что я здесь не по своей воле....

– Кури, – протянул сигареты Каплунов ...

Я на секунду замешкался, раздумывая, из какой руки правильной будет взять, но генерал раскусил меня, как Тузик грелку.

– Токсикоманишь, Сережа, в рабочее время? – прищурил он правый глаз.

– Так это же ваши парни меня усыпили, – мотнул я головой.

– Шучу! – загоготал генерал, и рамы в окне откликнулись дрожью, словно при порывистом ветре...

– Кури! – отсмеявшись, приказал он.

И я закурил, хотя был, как говорят, некурящим, ведь нам – испытателям – не рекомендуются привычки, могущие повлиять на точность эксперимента, а в широком смысле – привычки вообще. Мы – летчики-испытатели, офицеры-исследователи (в моем случае правильнее было бы говорить «испытываемые и исследуемые») – культивируем у себя определенный набор привычек под каждый конкретный эксперимент. После испытаний привычки аннигилируются, иногда вместе с носителем. Устойчивая привычка у нас только одна – патриотизм. Одно время считалось, что она у человека в крови. Однако, после того как мне перекачали кровь от одного диссидента и я не изменился морально, стало понятно, что дело в другом.

Хотя у наших отцов дело точно было в крови, и у дедов. А потом с экономикой что-то случилось или же с экологией...

В общем, я тогда закурил, потому что пункт первый «Внутреннего устава испытателей», который я выполняю неукоснительно, гласит однозначно: «Приказано – выполняй». Второй пункт этого устава добавляет не менее однозначно: «Исполнил – кури, жди следующего».

Мы с Каплуновым стояли возле огромного, во всю стену окна и глядели вниз на смог и на трафик. Я понимал, что предо мной 3D-инсталляция, а Сан Саныч, кажется, нет.

Пока мы курили, а мы выкурили целую пачку крепкой «Победы», он повторил три раза:

– Похорошела Москва при Собянине.

Возможно, он говорил так специально, под запись. Вы и сами наверняка знаете, что стукачи есть не только на вашей писательской кухне. В наших ведомствах сотрудники тоже присматривают друг за другом, чтобы разного рода Икары не вырывались вперед и не обжигали свои крылья о солнце. Мы тут все привыкли к тому, что «дисциплина и порядок бьют класс». Дисциплина и порядок бьют абсолютно все. Даже женщин и детей не щадят, чтоб все выглядело по-настоящему.

А четвертый раз генерал сказал по-другому, я даже закашлялся.

Он сказал:

– Эх, Сережа-Сережа, сжечь бы ее на х... опять, как при Наполеоне...

И увидев мою реакцию, пояснил:

– Да шучу я, Сережа, шучу. Человек измелчал. Нет теперь больше наполеонов с кутузовыми, нет даже барклаев-де-толли...

И мы продолжили перекур. Я курил не в затылок и при этом старался, чтобы дым из меня выходил пятью равномерными струйками: через рот, нос и уши. У Коновалова их было шесть. Самую мощную генерал пускал через психический центр, расположенный над макушкой. Я про центры эти сам ничего не знаю, это лучше у Лохопета спросить... Слышал только, что генерал способен определять по плотности дыма чистоту наших помыслов.

Когда и Коновалов, и пейзаж за окном скрылись за серой табачной завесой, генерал спросил напрямик:

– Ну что, Сережа, пришел твой черед. Готов?

Вопрос явно был риторический и имел только один ответ – бодрое и громкое «Есть!». Но горло у меня пересохло от никотина, и «есть» вышло сдавленное и сиплое, словно меня кто-то душил...

– Не понял, Сережа? – Коновалов прибавил громкости, и стекла в рамках опять затряслись. – Повторяю вопрос: ты готов умереть за отчизну?

Конечно, я был готов. Не обязательно быть летчиком-испытателем и входить в отряд космонавтов, чтобы понимать свое главное жизненное задание – смерть. Разумеется, героическую, чтобы рабочие-металлурги отлили твой памятник и установили его на площади в каком-нибудь Усть-Ижевске. И раз в год бы к нему приходили дети и возлагали цветы. Я был готов, но вынужденно молчал.

И тогда голос Коновалова зазвучал совсем рядом, словно он, под прикрытием дыма, подкрался к самому уху:

– Я не понял, Сережа!!!

От его интонации пробку в горле прорвало сухим лающим, похожим на автоматическую среднекалиберную стрельбу кашлем... Слово «есть» снова было не разобрать, но Сан Саныч понял, что я имею в виду.

– Молодец! – похвалил меня генерал. – Так бы сразу.

На том и расстались.

Это, собственно, все. Далее, товарищ писатель, начинается сплошная военная и процессуальная тайна, а ее я с вами обсуждать не готов. Но с другой стороны, если вы опишете мою историю так, как сейчас пишут писатели, то читать это точно никто не будет, поэтому слушайте дальше...

Глава 2. Устав испытателей

Как характеризую сотрудников? Положительно. Хорошие парни, надежные, грамотные. До задания знаком не был. Встретились на месте сбора в лесу. Каждый добирался самостоятельно, по заранее намеченным координатам. Антон Лохопет – на попутках. Стас Баулов – на лимузине, за которым бежали цыгане с гитарами, потому что у

каждого специалиста своя маскировка. Я совершил беспарашютное десантирование в соседнем квадрате и сутки добирался пешком.

Что такое беспарашютное? Это самый обычный прыжок с парашютом, только парашюта у тебя нет. Его можно осуществлять с самолета и с вертолета и, в общем, откуда угодно, где есть высота. Без парашюта обычно получается быстрее и незаметнее. Процесс приземления не опасен для жизни, если правильно выбраны контактные точки поверхности приземления и приземляемого. Иными словами, когда ты приземляешься мягким местом на мягкое место – на воду, на сено, на еловые ветки; эт, как говорится, сеттера. Вы понимаете по-латыни, товарищ писатель? Я тоже. А пишете? Прямо как я.

Вы, кстати, сколько уже страниц написали?

Не густо.

Давайте добавим деталей. В деталях вся суть нашего с вами существования. На «Высших Военных Курсах Испытателей и Испытуемых», сокращенно «2ВКЗИ» мы в основном учили устав. Его семнадцатый пункт гласил: «Главное качество испытателя – это бездумность». Она лишает человека сомнений и позволяет идти до конца. До победы. Победа – это конец. Все логично. А думает пусть руководитель проекта. Вы этот абзац, товарищ писатель, заучите на память к нашей следующей встрече. Без этого вам и жить, и писать будет трудно.

Теперь вернемся к мягким местам беспарашютного десантирования. Замечу, что мягкие эти места далеко не всегда. Вода, например, и состоящие из нее болота, озера и реки – в зимний период года в наших, не буду распространяться в каких точно, широтах имеют привычку замерзать и становиться твердыми как булыжник. Беспарашютное десантирование на лед приводит к потере десантником боевых поражающих характеристик на срок от одного астрономического часа до, так сказать, пожизненного.

Сток сена опасен тем, что в нем могут быть забыты колюще-режущие сельхозинструменты: грабли, косы и вилы. Халатность – источник всех наших бед и болевых ощущений.

А ветки деревьев, особенно вечнозеленых, в силу врожденной повышенной гибкости относятся к мягким поверхностям.

В моем случае это были еловые лапы. Мягкие, ароматные и пушистые. В народе нашем бытует пословица: и на елку залезть, и кое-что не ободрать... Так вот, она, как и все в нашей жизни, верна только наполовину – когда лезешь снизу, но если спускаешься сверху – вполне себе даже приятно.

Как я могу объяснить этот – что? феномен?

А никак. Скажу только, что в каком-то смысле это не вопрос физики с химией, это вопрос иерархии ощущений...

Итак, приземлился я чисто. Из биообъектов меня видел лишь филин, но кому он расскажет, разве только другому филину или бобру, который рано или поздно станет меховой шапкой.

Дальше я двигался вброд по руслу реки Коклюшка. Названия – это и все остальные – являются вымышленными, бессмысленно искать их на карте. И нами руководили вовсе не карты, а профессиональные качества специалистов. Если бы люди всегда ходили по картам, они бы ни Америки не открыли, ни Арктики и дальше родимого леса не заходили бы. Так бы и прыгали через костер и молились своим истуканам. Ученые? Ученые тоже люди, товарищ писатель, они в микроскоп видят многое и по анализам могут все про тебя рассказать. Но без микроскопа они полный ноль, а если еще очки у них отобрать, то ноль в квадрате, отрицательная величина, так сказать.

К чему я это все говорю? К тому, что прогресс делаем мы – следопыты. Мы разведываем, мы исследуем, мы испытываем все, с чем сталкиваемся, включая всех вас и себя.

Генерал Каплунов назначил меня старшим группы из трех человек, одним из которых был я. Персонажи, не знакомые с правилами внутрискруктурного

взаимодействия, принятого в наших рядах, считают, что командование личным составом тем сложнее, чем больше отряд. Но на самом деле все наоборот: чем меньше в твоём распоряжении живой силы и техники, тем тяжелее управление. Самый сложный и запущенный случай, когда в твоём подчинении находится один человек, в особенности жена. Рано или поздно ты перестаёшь понимать, кто командир. Эти слова во мне говорит не только офицер, но и личность, человек, за плечами которого два развода подряд.

Теперь про личный состав. Лохопет. Антон явно был не из наших. Долговязый, нескладный, с крупной головой брокера или профессора. Мостик очков на кончике носа, линзы довольно толстые – значит, вместо подвижных развивающих игр читал книжки, что, несомненно, плохо, потому что значит, он всегда знает больше, чем понимать ему нужно. Вовне реализовать это знание он не может, и оно бродит в нём и бурлит, разъедает его изнутри, как желудочный сок переваривает, например, вареную курицу. Кросс не пробежит, в лесу заблудится, на допросе посыпется, в боестолкновении сразу же словит шальную пулю. Это было первое впечатление, а впечатления имеют способность меняться, особенно если искать в людях хорошее с самого первого взгляда и до самого, как говорится, конца. Главное, товарищ писатель, никогда не прекращать поиски, даже если бродишь взад-вперед по помойке. А второе главное: если не знаешь, что делать, начинай испытания. Так гласит наш негласный устав.

Со следователем Бауловым дело обстояло значительно проще. Стасик был во всех смыслах бык и во всех смыслах майор. Массивный, недооформленный, отяжелевший от высокостатусной кабинетной работы, отягощённый сверхпотреблением. Он имел небольшой бритый валунообразный череп и отличался незапоминающимися чертами лица. Нахрапистый, упертый, тупой, обидчивый, мнительный – я перечисляю только положительные характеристики – он был очень легок в общении. Говорил что думал. Если хотел кого-то ударить, то бил. А эмоции (их у него две) всегда были написаны на лице. Первая выражала искреннее недоумение: «Я чего-то не понял?» в смысле «Где мои деньги?», вторая – агрессию: «Я чего-то не понял?» в значении «Ты ещё здесь?».

Я люблю в людях неотесанность, дикость. Эти качества представляют собой большое поле для деятельности: молотком, резцом и зубилом из таких людей можно выточить и Геракла и Гераклита. Антагонистами дикарей выступают воспитанные. Этих, особенно обученных на старый манер – замкнутых, прямоспинных, спрятавшихся в самих себе, переделать нельзя. Вот почему, не будучи сторонником избыточного насилия, я в целом за всевозможные культурные революции и философские пароходы.

А в Баулове мне не нравилось только одно: борода. Вообще, этот атрибут внешности мне представляется избыточным. Волосы – это атавизм. В наше время, когда есть одежда, волосы не нужны, поэтому их незачем культивировать. Нет, я понимаю, в капиталистическом мире есть люди, которым не хватает денег на лезвия, или человек по убеждениям пацифист и не хочет свою щетину заживо резать, мужественно терпит щекотку и перхоть. Ну, или человеку щеки не нравятся, слишком впалые или за уши выступают, и он хочет их волосами от посторонних прикрыть.

Борода Баулова была вымороженно-вымученная: надушенная, завитая и подкрашенная под благородную седину. Типа я царь Ирод и царь Навуходоносор в одном флаконе, а вы копошитесь внутри моего ночного горшка. Глядя на бороду Стаса, я вспомнил, что я Калюжный. И отец был Калюжный, и дед мой, и прадед. Прадед мой, между прочим, царя Николая свергал. Так что мне ли бояться царя, тем более самозваного.

Я оглядел свой отряд, посмотрел на часы с кукушкой и скомандовал:

– Отряд, слушай мою команду! Идем маршем до квадрата тридцать два бис. Ориентир на планету Сириус. Разговоры, перекуры, малая и большая нужда запрещены до привала. Первый привал через четыре часа. Вопросы?

У Лохопета вопросов не было, он сидел, прислонившись спиной к облезлой осине и, кажется, спал. Зато спросил следователь Баулов. Я, естественно, знал, что он спросит.

Он повел головой от плеча к плечу и обратно и прищурился, глядя мне прямо в глаза:

– Почему это Сириус?

Что, и вы, товарищ писатель, туда же?

Сириус – это двойная звезда и шестой по яркости небесный объект. Остальное прочитаете в рукипедии. А Баулову я ничего объяснять не стал, он ведь спрашивал не ради ответа. Его вопрос нес в себе вызов и провокацию одновременно. Вызов потому, что он оспорил команду. В нашем обществе все команды исполняются неукоснительно и вопросов не задают. Думаете, зря считается, что мы носим круглое, катаем квадратное и красим траву?

Мы так делаем потому, что всякий иррациональный поступок укрепляет боевой дух. Знаете, что такое боевой дух? Скоро узнаете.

В общем, Баулов задал лишний вопрос. Вызывающий, провоцирующий и отвлекающий одновременно. Будь на моем месте Лохопет или вы, вы бы тут же расслабились и пустились в пространные объяснения и на небо рукой указали. Печень открыта, почки открыты, скулы расслаблены. Бей не хочу. И Баулов ударил. Но в отличие от вас я был готов и сделал шаг в сторону, уйдя с линии нанесения удара, за тысячную долю секунды до начала атаки. Я сделал это автоматически и оказался прав: Стасик ударил. Он уверовал в то, что сумел меня отвлечь, потому бил наверняка, с отмашкой, с провалом. И в том месте, где мгновение назад располагался мой нос, а теперь был только воздух, показался кулак Баулов, за ним локоть, плечо, а потом и все туловище. Кинетическая энергия удара была так велика, что потащила за собой ее генератора. Получился невысокий, не сверхзвуковой, но довольно эффектный полет, окончанием которого стало падение. Безболезненное, под ногами рос мох, но довольно обидное. Как и всякий большой, слишком большой относительно размеров своей головы, человек, майор был обидчив, и поэтому он не успокоился и снова ринулся в схватку. Я не бью своих подчиненных, ограничиваясь замечанием или нарядом, но тогда выдался особенный случай. Не дожидаясь повторения удара, я схватил майора за бороду (еще один недостаток волос – они могут быть использованы при драке), чтобы поднять над землей, крутануть и опять уложить лицом в мох.

Внизу что-то затрещало, и Баулов выкрикнул слово:

– Сдаюсь!

В состоянии покоя у майора довольно высокий голос, а сейчас он вообще прозвучал как женский. Это потому, что я у него бороду оторвал. Борода оказалась фальшивая – накладная, как у клоуна или циркового факира.

Так или иначе, бой был завершен.

Я объявил поверку, и мы встали на маршрут...

Нет, товарищ писатель, проще я формулировать не умею, у вас своя пунктуация, у меня своя орфография. Каждый занимается своим делом...

Глава 3. Марш-бросок

Шли рваным темпом по пересеченной местности. Я планировал достичь реки до наступления темноты, но тормозил Лохопет. Он не справлялся с нагрузкой: путал ноги, нарушал построение. Из-за него мы казались стороннему наблюдателю – а лес, поверьте, наполнен такими – сбежавшими с каторги жуликами, а не элитным отрядом специального назначения.

Пару раз Лохопет засыпал на бегу и, упав, лежал неподвижно, как насекомые, когда хотят обмануть глаза птиц в надежде, что их примут за прутик или кусочек грязи. Тогда к процессу подключался Баулов. Он поднимал Лохопета с земли и встряхивал

словно тряпку, а когда Антон просыпался, ловким поджопником придавал ему необходимое ускорение. Натренированные движения выдавали в майоре опытного сади́ста. Я не предотвращал доследственных действий майора, поскольку хорошо понимал, что природа никого не создает просто так, и если на этой земле существуют глисты и змеи, то и сади́сты для чего-то нужны, например, для укрепления воинской дисциплины. Вопрос дисциплины, однако, на марш-броске решен не был, один из пинков майора пришелся не на Лохопетовский зад, а на буковый пень. Баулов дико взвыл и оставшуюся часть марш-броска скакал на одной ноге...

Тогда-то мне в душу (не знаю, что это такое, но так говорят) закралось сомнение: так ли прост Лохопет, как кажется на первый взгляд? Я проиграл в уме догонялки со следователем и понял, что ни один поджопник не достиг цели – за миг до того, как ботинок майора собирался проделать дырку в пятой точке преследуемого, Лохопет менял траекторию. Выходило, что именно он задавал направление, выбирал темп и ритм и в итоге вывел группу к реке, причем кратчайшим путем.

Воды мы достигли, когда ночь расставила по небу звездные патрули. Если бы это был учебный бросок, я бы отдал приказ отряду вернуться к исходным позициям и осуществить вторую попытку для улучшения показателей. Увы, мы действовали в условиях боевых, а боевая обстановка повторов не допускает.

Природное название водохранилища навеки останется в тайне. Озвучить его не могу – во-первых, нельзя, во-вторых, я не помню. Пункт 112 устава сообщает: «Необходимым и достаточным умением испытателя является умение забывать». По окончании заданий или испытаний мы проходим курс нейроигло-, иногда нейроштыкоукалывания, и воспоминания уходят. Иногда их обрывки возвращаются в качестве видений и снов. Снов я не вижу, но видения бывают. Если начинать их анализировать, то оказывается, что я неоднократно бывал на Луне и на более дальних планетах и спутниках, путешествовал в Америку сквозь пустоты в земной коре на специальном ядре. Вы, товарищ писатель, наверняка сейчас подумали о безумии. Это в самом деле безумно, но сознательно сделано с нами и ровно затем, чтобы нивелировать наш личный испытательский опыт до уровня бреда на случай, если испытатель захочет перейти на сторону предполагаемого врага или если враг захватит испытателя в плен. Потому, товарищ писатель, если я вдруг заговорю на непонятном для вас языке, не пытайтесь переводить и ни в коем случае не пытайтесь мне подражать – ментальные болезни заражны.

Вы пока просто фиксируйте факты, товарищ писатель, понимание придет, когда вы запишете всю историю целиком. И лучше пишите ручкой, все эти планшеты не только уязвимы в плане утечки, но и станут бесполезными в отсутствии электроснабжения. А мы с вами должны гарантировать сохранность сообщаемых мной материалов для вечности.

Для исчерпывающей фиксации исходящих из меня данных вам понадобится следующий канцелярский набор: ручка РШ20, блокнот нелинованный «70 лет СССР» и школьная готовальня. У вас, скорее всего, была такая в третьем классе. Есть с собой? Замечательно. Только распишите ручку получше, потому что сейчас я начну вам рассказывать о наручных часах с кукушкой. Я уже упоминал их в рассказе, но вы пропустили мои слова мимо – правильнее было бы сказать между – ушей. На этих часах нет циферблата. Вместо механизма внутрь вставлена копия птицы «кукушка» отряда кукушкообразных. В природе, как в армии, все живое делится на отряды, роды и части. Природа мудра, выпади ей быть человеком, она стала бы как минимум подполковником, как я, или выше...

И опять о часах. Они измеряют время не в часах и минутах, а в единицах опасности. Степень опасности определяется звуковым птичьим зуммером. Большую часть службы умная птица спит. Перед тем как что-то должно случиться, она просыпается,

высовывается из часового корпуса и подает опознавательные сигналы. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». И так далее.

Чтобы верно оценить степень опасности, нужно провести подсчет издаваемых птицей звуков, а полученные данные расшифровать с помощью специального журнала дешифрования. Журнал насчитывает два десятка «Ку-ку таблиц», позволяющих спрогнозировать все, что может быть важно для жизни, например, артобстрел, снегопад или падение биржевых котировок. Цифровой диапазон «Ку-ку таблиц» находится в пределах от единицы до ста. Где единица – это нулевой элемент умножения, сотня единиц – есть ситуация, в которой поздно что-либо предпринимать. Цифры между тоже имеют самостоятельные значения, например, одиннадцать обозначает «барабанные палочки», шестьдесят шесть – «валенки», и так далее.

Каким именно образом птица угадывает время подачи сигналов, никто не знает.

Часы, о которых я сейчас вам рассказываю, вручил мне генерал Каплунов немедленно после того, как я съел пакет с заданием.

Вторым элементом положенной мне амуниции был сотовый телефон. Я тоже тогда скривился, так же как вы сейчас: идя на задание я ожидал получить легендарный пистолет-пулемет Криворукова или хотя бы пакет со взрывчаткой. Вместо этого мне выдали символ избыточности и праздности.

Заметив мою реакцию, генерал пояснил:

– Сережа, не строй из себя эстета, дают – бери, бьют – беги. К тому же это не какая-то китайская дрянь, это наш аппарат, отечественный, и не штамповка конвейерная, а штучный товар. В нашем ведомстве таких мобил только две. На вид как американский айфон, но только на вид. Звонить по нему можно в любую точку земли – в Америку, Африку, на Северный полюс, но разговаривать ты в любом случае будешь с одним из наших людей. Ведь все исходящие переадресуются на один инфоузел. Ребята там высший класс, все голоса передразнивают – хоть Обаму, хоть Байдена, а хоть саму Псаку. Как ты понимаешь, единый инфоузел создан ради предотвращения возможных утечек. Информация, Сережа, в наше время самое ценное. То же самое с интернетом мобильным. В твоём телефоне хочешь гугл набирай, хочешь ютуб, хочешь музыку слушай, хочешь смотри порнушку – везде наши люди. Понимаешь, Сережа, как мы продвинулись за последние годы?

– Рад стараться! – вытянулся я по стойке смирно.

Сан Саныч посмотрел на меня и вздохнул:

– Хорошо, что стараешься, хотя ты тут ни при чем.

– Товарищ генерал? – попросил я.

– Валяй. – Каплунов снова вздохнул.

– А что, если мне понадобится позвонить не в Америку, и именно вам?

– Звони, не ошибешься – кнопка всего одна.

– Но ведь там, на едином инфоузле, вас не будет...

– Не будет, – подтвердил генерал.

– Там, – продолжил я, – вместо вас со мной станет разговаривать пародист или пранкер...

– Ну да.

– А я ему как на духу выложу всю правду-матку о нашей гостайне...

Генерал отвернулся к окну. Когда через несколько минут повернулся, его лицо было красным.

– Ты сам этот вопрос придумал, Сережа, или тебя научили?

– Сам, – кивнул я.

– Не надо мне звонить, я тебе сам позвоню, когда надо будет. Ментально, Сережа, я всегда буду рядом с тобой. У нас с тобой одни и те же приборы.

Сан Саныч показал мне кулак, и я разглядел на его запястье часы с кукушкой. В точности такие, как у меня.

Вот такой разговор у нас вышел.

Что касается амуниции Лохопета, то ему, как гражданскому, она не полагалась. Только паек в три четверти нашего с майором пайка.

Несправедливо? Возможно. Учиться надо было Антону военной специальности, пока был молодой, а не баклуши бить. Офицерский паек кому попало не выдается.

У речного причала нас должен был поджидать специальный баркас, так сообщала выданная Коноваловым ориентировка. Но у борта дебаркадера колыхался только бревенчатый плот без названия, флагштока и других опознавательных знаков, зато оснащенный шалашом из свежего сена и навесным мотором «Ветерок-8» выпуска тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

Я посмотрел на часы, сверяясь не столько со временем, сколько по духу, и мы погрузились в судно. Баулов оттолкнул берег тяжелым пожарным багром, и могучие воды реки понесли нас вперед.

Путешествие началось...

Глава 4. Ночь

Наш плот плыл по реке, а мы плыли на нем. Мы с Бауловым расположились у гребей, на носу и корме согласно ранжиру, для корректировки движения. Впрочем, лопасти весел оставались сухими, так как плот (для разнообразия я буду называть его борт) шел четко в фарватере, гонимый ровным сильным течением. Настроение у всех было хорошим и бодрым, и только ульяновский «Ветерок» угрюмо висел над водой, поскольку команда, которая должна была отвечать за оснастку и снаряжение, забыла заправить бензином мотор. Так или иначе, мы шли вперед на скорости семь-восемь узлов.

Товарищ писатель, не пытайтесь конвертировать узлы в километры, этим действием вы сразу лишите романтики судовую жизнь моряков, морских волков, котиков и чертей или как там они себя называют. Ведь если перевести на сухопутный язык все эти кубрики, рубки, гальюны и прочие кабельтовы, получится довольно тесный, не слишком удобный дом-общежитие, которому не нашлось места на берегу. Для нас же, людей конкретных и вдумчивых, имеет значение не скорость, а время. Я получил приказ от Каплунова спускаться по реке трое суток, и ни минутой больше. И я должен был выполнить этот приказ, чего бы это ни стоило.

Вам, товарищ писатель, должно быть, в школе рассказывали, что все реки текут в одном направлении, сверху вниз, если иметь в виду карту, и с севера на юг – если компас. Мне тоже такое рассказывали, поэтому я долгое время так думал. Я постоянно думал. Думал о том моменте, когда вся жидкость стечет с Северного полюса и соберется на Южном. Сверху будет суша, снизу – вода. Один материк, один океан. Однополярный мир. Кто в этом мире окажется главным, доминирующим и определяющим? Мы или они? И кто такие «мы»? И что нам нужно будет определять? Если я приставал с такими вопросами к лицам одного со мной гендера, дело часто кончалось дракой, если к женщинам – бракоразводным процессом. И в итоге я перестал думать об океанах и реках, перестал думать о воде в принципе, пока судьба испытателя не столкнула меня с этим водохранилищем. Эта река была совершенно другой и текла она поперек, даже наперекор: с запада на восток.

И не вздумайте сейчас глазеть в свой айпод, вы не найдете ее на карте, не увидите в гугле. Это река, как бы так помягче сказать... очень сложная. Для ее всесторонней характеристики нам с вами понадобится написать, а точнее нарисовать, еще одну книгу –

«Атлас тайных рек родины». Вы умеете рисовать, товарищ писатель? Очень жаль, потому что я тоже.

Прав был старший лейтенант Лермонтов, тысячу раз был прав. Были раньше люди, не то что сейчас. Эти люди и сделали эту реку. Эти люди позаботились, чтобы неприятелю или просто пустому равнодушному человеку река была не видна и чтобы видеть ее могли только люди, влюбленные в свою родину.

Убедившись, что плотом может управлять один человек, я отдал следователю команду отбой, а сам остался дежурить возле руля на корме. Беспогонному вольнонаемному Лохопету команды не требовались, он уснул, как только ступил на борт.

Ну а мне не спалось. Я вообще не люблю спать, мало того что во время сна человек становится уязвимым, так еще и выглядит крайне нелепо. Восемь часов в сутки люди являются прикованными к постели, где они потеют, ворочаются и храпят, а проснувшись, пересказывают друг другу обрывки плодов больного воображения, которые называются снами...

Однажды я повстречаю того, кто все это придумал, и спрошу его прямо в лоб:

– Ты того, ты зачем это сделал? Мы ведь все здесь не очень умны, да еще и треть жизни проводим в бессознательном состоянии. Ты бы лучше занял нас каким-нибудь общественно значимым делом. Не так ли?

Я люблю задавать вопросы. С самого детства люблю. Их у меня много за жизнь накопилось. Я, возможно, по этой причине и стал испытателем. А не смог бы стать испытателем, так начал бы книжки, как вы, писать. Мы ведь с вами, товарищ писатель, занимаемся практически одним делом: ищем ответы. Только вы их себе придумываете, а я – нахожу...

Мы проплыли всю ночь. Стоял штиль, и поверхность воды была ровной и глянцевой, как крышка у пианино. И от этого звезды отражались в черной воде без малейшего искажения, то есть были точно такими же, как их прототипы на небе. Таким образом, звезды были одновременно над головой и под ногами – внизу, будто я находился в межзвездном, но при этом наполненном кислородом пространстве. Я вдруг почувствовал себя космонавтом. Первым космонавтом в открытом космосе без скафандра, но в обыкновенном охотничьем комбинезоне и овечьих носках.

Не в силах сдержать накатившего приступа счастья, я рванул комбинезон на груди и закричал:

– Ы-ы-ы! У-у-у!

Это громкое протяжное «а-а-а» не имело ничего общего с победным восклицанием высших приматов. Это был поиск контактов, сконцентрированное послание внеземным цивилизациям, содержащее в себе всю необходимую информацию лично обо мне и обо всех нас...

Глава 5. Стикс

Как вы понимаете, эта река... погодите, что мы все река да река, когда это не просто река, а рожденный подневольным человеческим трудом живой организм, нуждающийся в названии. Потому давайте назовем ее сами. Назовем реку Стикс. Это будет сокращенное название, аббревиатура полного названия: «Союз товарищей испытателей и космонавтов». В честь носителей моей профессии, нетрудно догадаться. Согласитесь, звучит!

Так вот, Стикс создавался как мегананопроект для смычки Востока и Запада. В случае его реализации возникал новый «шелковый путь» – логистическая структура, которая в силу своей простоты и дешевизны обещала обанкротить конвенциональные

системы перемещения материальных ценностей, как-то: авиацию, железнодорожный, судоходный и иже с ним транспорт, чтобы монополизировать рынок перемещения фуража, продовольствия, амуниции и далее по алфавиту... Проще говоря, свести разношерстные транспортные потоки в один – на реке нашей матушке-Стикс. Или все-таки – батюшке? Как будет правильно, товарищ писатель?

Впрочем, не говорите, вы лучше представьте себе: для того чтобы двигаться по этой реке, вам не нужны ни моторы, ни двигатели, ни прочие механизмы. А раз не нужны механизмы, то не нужны и моторные масла, топливо и мотористы, потому что всю полезную работу за вас выполняет вода. Она просто течет, а вы движетесь вместе с ней. Хотите на плоту, а хотите – на катамаране, да хоть на бревне. Рядом с вами плывут товары, продукты, услуги – все, что угодно, не знаю, я не специалист по коммерции...

Когда мы с ребятами плыли по Стиксу, движение шло только в одном направлении – слева направо – с запада на восток, но сейчас, скорее всего, ситуация изменилась. Генерал Каплунов намекнул мне тогда, в Москве, что нашим ученым выдано техническое задание на разработку системы двунаправленного течения через создание единой многоканальной системы бифуркации рек.

Успешное выполнение задания, а я в наших ученых не сомневаюсь, обещало нам фронтальное господство над мировыми товаропотоками. Представьте себе реку, разделенную на две половины дорожными знаками. По правой полосе с запада на восток текут айфоны, кроссовки и плазменные телевизоры, по левой полосе, то есть в обратную сторону, текут сжиженный газ и нефть. Нефть и газ вместо воды, представляете! И ни трубопроводов, ни газопроводов строить не надо. Все движется в нужном направлении согласно законам природы и под управлением научной силы человеческой мысли...

Тогда, правда, кроме нас по Стиксу плыл только мусор: бутылки из пластика, полиэтиленовые пакеты, резиновые изделия номер два, выполнившие боевую задачу тотального уничтожения будущей жизни. Но это я заметил, только когда стало светать, а до этого, повторюсь, вся вода была в звездах.

Товарищ писатель, разрешите отвлечься от основной темы и сказать несколько слов о мусоре. Недобрые языки утверждают, что наша страна становится похожей на свалку, мы не только мусорим сами, но и позволяем богатым странам захоранивать мусор у нас. Воспользуюсь случаем, чтобы ответить клеветникам. Во-первых, то, что сегодня считается мусором, может со временем стать новым невосполнимым ресурсом, а значит, приобрести высокую ценность. Пример из истории: первобытные люди считали нефть и каменный уголь жидкой и твердой грязью. Прошли тысячи лет, прежде чем они осознали, что без этой грязи никуда и никак...

Понимаете?

Во-вторых, рано или поздно нас, людей, на земле станет столько, что даже пальмового масла на всех не хватит, и человеку придется употреблять в пищу то, что останется. А что остается, когда вся еда съедена? Правильно – упаковка. На данный момент установлено, что некоторые виды бактерий и некоторые породы жвачных животных способны переваривать пластмассу и пластики. А если это могут делать скоты и микробы, значит, сможем и мы – человекообразные, ведь в наших жилах течет кровь и млекопитающих и микробов. То есть мы можем все, что могут наши низшие, так сказать, братья и сестры, от собаки Павлова до палочки Коха. Я, дорогой мой писатель, открою вам одну тайну – мы, люди, всеядны!

В свое время я изучал пищеварительные процессы не как потребитель, а именно как испытатель. В программе, к которой я был прикомандирован, изучение начиналось с органики: я ел куриные яйца со скорлупой, арбузы с семечками и коркой, картофель с ботвой и так далее, и мой организм не распознавал вкусовой разницы. Затем эксперимент был усложнен: мне были предложены конфеты с фантиками и шаверма в бумажной обертке. Потом настала очередь мягкого пластика – сухие супы и ланчи в полимерных

коробочках. Когда соотношение органики и неорганики в рационе вышло на отметку один к одному, эксперимент был остановлен. Никто не объяснил мне причин, это в нашем деле не принято. По косвенным признакам – товарищи по отряду летчиков-испытателей и испытателей-космонавтов перестали отдавать мне пасы при игре в мяч, их шутки и смех смолкали, когда я заходил в казарму, – я догадался, что стал превращаться в неорганическое существо. Нет, внешне я не изменился: как был девяностокилограммовый стовосьмидесятисантиметровый блондин с размером сапог сорок шесть, так и остался им. Изменились только ступни моих ног, но как! Они стали подлаживаться под окружающую среду, принимая форму берц при ходьбе по камням или войлочных тапочек при входе в казарму.

Я решил посоветоваться с военврачом и пошел в медсанчасть, где мне было выдано направление в госпиталь для консультации с педомантом. Там собрался целый консилиум, состоявший из людей в длинных белых халатах и в длинных колпаках с прорезями для глаз и рта. Пошептавшись между собой, доктора потушили свет и обошли вокруг меня тринадцать раз. В руках каждого был кинжал и свеча. После этой встречи меня перевели на эксперимент «БВП», изучавший адаптивные возможности организма для жизни в безвоздушном пространстве.

Это очень интересная тема, но выходит за рамки нашего с вами повествования, поэтому предлагаю вернуться к Стиксу.

Вдоль берегов бесконечным забором тянулись смешанные леса. Деревья стояли так плотно, как, наверно, стояли на Сенатской площади лейб-гвардейцы Семеновского полка, и я ощутил острое желание дать по ним залп из ПЗРК. К несчастью, оружия у нас не было, поэтому я перестал думать о лесе и начал думать о людях. Мы плыли без малого шестнадцать часов и не увидели на берегу ни единого человека, ни в качестве купальщика, ни в качестве пейзажиста, решившего разнообразить свой скудный пищевой рацион за счет рыбной ловли. Я стал всматриваться в берег внимательнее и вскоре сообразил, что Стикс спроектирован таким образом, чтобы исключить возможность подхода к воде.

Я начал думать как обыватель, и пришел к выводу, что это вопиюще несправедливо и наша народная поговорка – «жить у реки и не напиться» – сочинена именно про такие места. Действительно, живет человек всю жизнь у гигантского водохранилища и не может насладиться благами жидкой стихии: искупаться в проточной воде, выудить и съесть рыбку, подцепить багром добрый топляк, который будучи должным образом высушенным вносит свет и тепло в унылую жизнь сельского жителя. Да, в конце концов, выйти ранним утром к реке, встать на краю мостка, широко улыбнуться и пустить желтый фонтан на могучую синюю гладь. Словно в мире больше нет ничего: только человек и река. Величественная картина!

Затем я попытался осмыслить увиденное глазами государственника, державника, если хотите. Картина показалась принципиально иной. Страшно представить себе, что случится, если сельские жители узрят, какие богатства проплывают мимо них в бесперебойном режиме, не оставляя в их жизни какого-либо следа. Они догадаются, что они негры, извините, афроамериканцы, копающиеся с утра до ночи на чужих нечерноземных полях. Сначала они выбросят свои грабли и бороны в Стикс, а затем вычерпают из него коромыслами всю нефть и весь газ, выловят товары народного потребления, вместо того чтобы покупать их в магазинах и супермаркетах, уплачивая НДС, подоходный налог и так далее. В итоге крестьяне разбогатеют, как олигархи, а олигархи, наоборот, разорятся. Крестьяне усилятся, а государство ослабнет. Наше с вами священное государство, которому я приносил присягу. Да и вы тоже наверняка приносили, товарищ писатель. Без присяги жизнь – не жизнь, а существование, пустое потребление общественных благ.

Потом я с ужасом подумал о том, на что потратят вырученные деньги крестьяне – конечно, на водку, истратят на водку весь золотовалютный запас. Начнется инфляция,

падение курса рубля. Новое мышление, перестройка и гласность. Не знаю, как вы, но я больше не хочу ни во что перестраиваться и гласности не хочу. Не надо нам больше гласности, за нами и так постоянно следят. Нам, товарищ писатель, не гласность нужна, а согласие, чтобы все друг с другом ладили и делали одно дело одновременно, то есть чтобы все стали одним большим человеком. Тогда и горы свернем, и океаны засыплем, и сделаем что-нибудь подобное с городами. Но чтобы стать таким человеком, нужно чтобы за всех думал только один человек, а остальные не думали от слова «совсем». Поэтому и мышления нам не надо, тем более какого-то нового. Хватит, помыслили: страну чуть не продали по частям, едва на металлолом не сдали.

Это я, товарищ писатель, рассказываю вам о том, как тогда я подумал. Подумал и понял, что перед тем как запустить «мокрый шелковый путь», береговую зону необходимо будет огородить колючей проволокой и через каждую тысячу шагов поставить сторожевые вышки, оснащенные пулеметными гнездами. Нельзя по-другому с нами. Иначе не поймем, не захотим, не проникнемся сутью...

Я отвлекся от грустных мыслей и увидел, что вокруг рассвело. Я разбудил ребят, плеснув внутрь шалаша ведро холодной воды. Обливание, особенно неожиданное, – вещь полезная: холод закаляет тело, неожиданность – дух. Что касается души, то в нее я не верю.

Лохопет с Бауловым отозвались хриплым «трах-тарарах!».

– Сами вы трах-тибидох! – вторил я им.

И мы рассмеялись все вместе. Я еще плохо знал этих людей, но уже был уверен, что мы подружимся.

Глава 6. Знакомство

– Равняйся, смирно, вольно! – скомандовал я. – Пять минут на водные процедуры и свободное время.

И продемонстрировал членам спецгруппы технику походной помывки. С этой целью я лег на живот и пополз к краю плота. Когда моя голова выдвинулась за борт на расстояние шеи, я наполнил воздухом диафрагму и легкие и, сунув голову в воду так, чтобы весь череп оказался под ватерлинией, разомкнул губы и веки и произвел головой десять реверсивных полувращений от правого плеча к левому. Таким образом, я одновременно очищал от ночной грязи ушные раковины, полости носа, глаза и зубы. Эта древняя техника копировала отряхивательные рефлексы собаки, которая выбралась из воды на берег, только наша применялась не в воздухе, а в воде. К слову, я так моюсь не только в походных условиях, но и в обычной жизни, потому что это эргономично. Вы наверняка слышали, что при рождении человеку выдается определенное количество энергии, строго соответствующее поставленной ему цели, как походный паек – столько-то килокалорий на день пути. То есть выделяется на движение, на действие. Вместо этого люди тратят ее на разговоры, на просмотр телевизора, а теперь и на интернет. Был бы еще в этих разговорах как-нибудь смысл, так нет, все беседы сводятся к тому, кто, как и где покушал и где и как потом это выкакал. И все это сопровождается какой-то театральной мимикой, отчаянным жестикулированием, кивками головы и судорогами тела, будто бы от выбора еды зависит быть или не быть. Между тем человек должен контролировать свою динамику и запрещать себе немотивированные колебания и движения без необходимости. Ну а если уж необходимо двигаться, то делать это надо так, чтобы одно твоё движение решало две задачи как минимум. Например, одновременно кушать суп и второе, а еще лучше суп и второе, и хлеб. Или читать одновременно интернет и газету. Или, когда тренируешься, играть в шахматы, бежать и грести. Так поступали Наполеон и Леонардо да Винчи, которых справедливо относят к представителям сверхчеловечества...

Парни умылись, повторяя за мной, после чего начался прием пищи. Скромный солдатский прием: перловая каша, тушенка и сухари. Мы ели быстро и молча, как едят люди, которые знают, что ни обеда, ни ужина у них может не быть. В смысле никогда вообще. Когда с твердой пищей было покончено, пожевали чайных листов для бодрости и запили все это водой из реки.

– А теперь, – сказал я, засунув вылизанную дочиста ложку за голенище, – пришло время знакомиться. Звеньевой четвертой бригады копателей, почетный бурильщик седьмого разряда Сергей Елисеевич Перетугин. Пятьдесят лет. Здоров. Разведен. Подался на заработки на севера. Остановился на ночлег в гостинице «Дружба». Заинтересовался вашим прекрасным городом и решил на пару деньков задержаться для осмотра достопримечательностей и освобожденных от семейных обязанностей лиц женского пола.

Все, что я сейчас говорил ребятам, было легендой – вымышленной историей о себе на случай, если попадешь в плен к врагу, другими словами, брехней от первого до последнего слова. За исключением имени. Каждый человек в принципе способен изменить в себе все: внешность и походку, паспортные данные и отпечатки пальцев. И только имя он менять не должен, потому что твое имя и есть ты. Даже больше: имя – это то, что после тебя остается. Так-то.

– А вы кто такие? – спросил я у членов своего маленького экипажа, включая в свою речь простонародные косноязычные реплики. – Откудова будете?

– Я Лохопет, – сказал Лохопет.

– Отставить, Антон, – перебил я. – Мы уже на задании. А на задании мы становимся другими людьми. Мы сейчас рассказываем легенды – выдуманные истории, факты из жизни и биографии на случай, если окажемся на допросе в плену. Наши легенды должны стать нашей жизнью на время задания. Вас должны были инструктировать перед отправкой.

– Инструктировать меня бесполезно, – отвел глаза Лохопет. – Я же гражданский.

– Тогда отставить стоять, – махнул я рукой. – Можете сесть.

– Не могу, – ответил Антон, – я уже.

Он не врал, он действительно все это время сидел. Я закрыл глаза, медленно выдохнул и повернулся к Баулову.

– А ты будешь чьих, мил человек?

– В каком смысле «чьих»? – напрягся майор.

«Неужели и этот не выучил?» – с досадой подумал я и дал подсказку.

– Известно в каком, в профессионально-укладном: рабочий там, служащий али антиллигент? По виду, похоже, артист.

– Чего? – Баулов поднялся, и плот наш качнуло.

– Нет, вы посмотрите, товарищи дорогие, с нами едет настоящий артист, – продолжил намекать я, выкладывая легенду Баулова карту за картой. – Артист-исполнитель похабного жанра. Касторский. Точно Касторский! «Раз пошли на дело, выпить захотелось...»

Майору оставалось всего-то ответить да, но вместо этого он опять попер на меня, как тогда на поляне.

– Какой, нахрен, Касторский, когда конторский. Четвертое управление. Старший следователь по особо важным делам! – кричал он, прыгая вокруг меня и размахивая руками.

Никакого самоконтроля, только шум и бравада. Пустая трата энергии. Я опять не стал трогать майора, а лишь развернул корпус в тот момент, когда он полез в атаку. Следователь пролетел мимо меня тяжелой свиньей и упал в черную воду.

– Все, отставить легенды, – сказал я, когда маленькая голова майора показалась у кормы среди волн. – Приступаем к плану Б, план А отменяется.

Я не знаю почему, но в нашей стране план А чаще всего проваливается, даже не начинаясь. И была б моя воля, я бы сразу начинал с плана Б.

– С этого момента, – говорил я без бумажки по памяти, у меня хорошая память, некоторые вещи я знаю еще до того, как увидел их или о них прочел. – С этого момента. Мы являемся только теми, кем мы на самом деле являемся, то есть непосредственными функциями задания. Наша задача – найти потерянный наукоград, кодовое название «Китеж-2». В девяностых годах в рамках широкомасштабной конверсии его сняли с федерального баланса, несколькими годами позже списали с региональных счетов. Город перестал существовать юридически и процессуально. Мы должны его найти и вернуть в лоно государственной службы. Меня зовут летчик-космонавт-испытатель подполковник Калюжный. Я старший группы. Отвечаю за общее руководство. Вы, майор Баулов, призваны обеспечить вопросы экономической безопасности. Вы, Лохопет... – тут я замаялся.

Объяснения генерала Каплунова были слишком расплывчатыми, и я до сих пор не понял, зачем к нам прикомандирован Антон.

– Я пока тоже мало что понимаю, – вяло кивнул Лохопет. – Иногда мне кажется, что я не понимаю вообще ничего...

Глава 7. Рассказ Калюжного

Сказал и замолчал. По выражению лица Лохопета было понятно, что он не соврал, и выжимать из него дополнительную информацию сейчас бесполезно, поскольку это будет дезинформация, которая всегда возникает под силовым или моральным давлением, или лестью, или еще черт знает чем. А мне нужна была правда. Сколько себя помню, мне всегда была нужна правда. Но, честно сказать, я пока не нашел ее здесь – на земле.

Я снова вгляделся в лица товарищей и понял, что, как всегда, придется начинать мне. И я рассказал о том, как стал испытателем...

Дорогу не ремонтировали из соображений секретности. И все остальное – машину, одежду, сухой и мокрый пайки – мне тоже подобрали из соображений секретности. А непосредственно перед погрузкой на борт генерал Каплунов (он отвечал за доставку меня до пускового объекта) приказал выпить водки, что я и сделал.

– Паленая! – сказал я, кашлянув.

– А ты думал! – усмехнулся генерал. – В нашем деле главное – достоверность.

И налил мне еще. Я опять выпил и занюхал овчинным треухом. Мы оба знали, что мне предстоит полет. А полет всегда риск. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Или больше. С генералом мы не попрощались. Мы никогда не прощаемся. И не здороваемся. Такая у нас примета.

Не то чтобы я после водки стал пьяный, но тошнота, да, подкатила практически сразу, как тронулся ЗИЛок. Грузовик, а вместе с ним и меня то водило из стороны в сторону, то подбрасывало на ухабах. Чтобы хоть как-то стабилизироваться, я даже пересел с лавки на пол. Руки мои были заняты: правой я ухватился за борт, левой держал топор. На этом участке задания я играл роль крестьянина, который выехал в лес нарубить дров.

«Что за жизнь у меня? – думал я про него. – Утром просыпаешься от холода и бодуна, едешь в лес, чтобы заготовить дров, вечером топишь печь, чтобы было тепло, и пьешь водку, чтобы заснуть. Надо что-то менять. Я изменю. Может быть, даже сегодня все изменю».

После этой идеи тошнота стала невыносимой, и мне пришлось нарушить пункт четыре статьи семьдесят пять уставного положения «О ночных перемещениях в зимнее время суток», а именно: выдернуть трос из люверсов, просунуть голову в образовавшееся окно и освободить пищеварительный тракт от алкогольсодержащих продуктов.

С внешней стороны тента густо клубилась вьюга. Видимость была нулевой, но я хорошо представлял себе окружающее пространство: извивающуюся ленту дороги, башни высоковольтки с лохмотьями проводов, затаившегося в ельнике филина, седого и грузного, как генерал Каплунов. Одним словом – дичь. Дичь, дичь, конечно, но что, кроме этого, может повстречаться человеку в лесу?

Насмотревшись и отдышавшись, я затащил тент, лег на пол и заснул. Я всегда засыпаю сразу. Просто закрываю глаза – и сплю. И просыпаюсь сразу. Открываю глаза – и больше не сплю. Как оно происходит? Не знаю. Как-то так происходит. Внутренний распорядок такой.

Проснулся я от того, что ЗИЛ остановился. Хлопнула дверь водителя. Заскрипел под калошами снег. И раздался звук падающей воды. Звук был сигналом, приказывающим катапультироваться, что я и сделал: выпрыгнул из кузова и покатился в кювет. Краем глаза увидел водителя. Он стоял у кабины и, задрав голову, справлял малую нужду под колесо.

Он все делал правильно, в точности как предписывала инструкция: он не должен был видеть в лицо меня, я не должен был видеть его лица на тот случай, если нас поймают и станут пытаться. Кстати, если меня станут пытаться, где-нибудь на третьи-четвертые сутки допроса я должен буду сознаться, что в 1989 году в Будапеште меня завербовали америкосы. Никто меня, конечно, не вербовал, и никуда я не ездил. Мне вообще было десять лет в восемьдесят девятом. Просто такая легенда. В нашем деле у каждого должна быть легенда.

Грузовик уехал. Я лежал на спине и глядел вверх. Вьюга стихла, и за снежными верхушками елей проступила сковорода неба. По ее черной, как сажа, поверхности медленно сползала луна. Справа от нее дислоцировался большой ковш, слева – малый (будучи более технократом, нежели гуманитарием, я предпочитал называть медведиц ковшами), а также другие созвездия и звезды, никуда не входящие и раздислоцированные как попало.

Звезд, вообще, было много. В принципе, любая звезда больше Луны, но кажется меньше, потому что находится дальше. Почему я так много знаю о звездах? Потому что я учился астрономии в школе, потом в летном училище, потом в летном городке, где довольно много узнал о войдах, джетах, галактиках, суперсимметриях и сингулярностях. Но, по правде сказать, я не верил в тот космос, которому учили меня щуплые, субтильные профессора, теоретики с козлиными бородами.

Некая секретная часть меня всегда знала, что в реальности существует только Луна, остальные звезды являются нарисованными на гигантском полотне типа брезента и этот брезент натянут вокруг Земли, как тот тент, внутри которого я ехал сюда. Сколько себя помню, я мечтал стать космонавтом и прилететь на Луну. И уже оттуда – с Луны – попытаться сорвать этот брезент к чертовой матери, чтобы узнать всю правду.

Так я думал, пока пробирался сквозь сухой валежник к месту старта.

Лес внезапно закончился идеально круглой и лысой поляной, посреди которой фурункулом вздулся гигантский ржавый ангар. Проваливаясь в снег по колено, я заспешил навстречу мечте. Спустя двадцать минут неспортивного бега с препятствиями я постучал в дверь ангара, как было условлено: два раза по два и три раза по пять. В ответ раздался лязг засова, дверь открылась. На пороге стоял хорошо знакомый мне человек.

– Заходи, – сказал он и добавил: – Сережа.

Я остался стоять. Я пытался думать – и думать быстро. Я не имел права сделать ошибку. Да, меня звали Сережа. И условленным паролем тоже было слово «Сережа». Но человек, который меня сейчас встречал, и человек, который меня провожал, был одним и тем же человеком. На нем, как и на мне, был надет тулуп и треух.

– Генерал, – пробормотал я, – это вы?

Задавать вопросы у нас тоже не принято, но как-то вырвалось...

– Брат-близнец, – пошутил он. – Заходи внутрь, ангар застудишь.

Я послушался. Внутри было полутемно. Свет шел от нескольких бочек, в которых сгорали облитые соляркой тарные доски. Кроме нас с Каплуновым и этих бочек в ангаре находился только один предмет, усидчиво задрапированный маскировочной сеткой и меньше всего напоминавший своими контурами ракету.

– Это что? – опять не сдержался я, но сразу поправился: – Товарищ генерал, виноват.

– Да ты не извиняйся, Сережа. У тебя сегодня полет. Тебе сегодня все можно. В том числе и вопросы. Или ты, может, того?

Генерал замолчал и всмотрелся в мое лицо так пристально, словно до этой минуты ни разу меня не видел. Ну а я продолжал смотреть на него. Так мы и молчали. Я не выдержал первым, все-таки он генерал, а я – подполковник.

– Что «того»? – спросил я.

В качестве объяснения Каплунов сделал несколько коротких ритмичных движений, изобразив то ли лыжника на крутом спуске, то ли жокея на ипподроме.

– Лыжник? – предположил я. – Лошадь?

– Ну какая ты лошадь, Сережа? – Генерал как будто обиделся. – Я о другом. Может, ты хочешь раскрыть свою гомосексуальность перед решающим исполнением долга?

Бывалые космонавты вам скажут, что самым сложным в нашей профессии считается время перед полетом. Тебе кажется, что ты готов ко всему, и вдруг появляется нечто или же некто... Я сам не заметил, как встал в боевую стойку и поднял топор.

– Сережа, – отступил на два шага Каплунов, – не надо, Сережа. Это была проверка. Теперь так положено. Знаешь, какие люди сейчас в эту тему уходят? Страшно подумать.

– Ну а если я не смогу? – вдруг ни с того ни с сего спросил я.

– Расчехлиться? – выдохнул он.

– Нет, задание не выполню!

– Выполнишь, Сережа, не имеешь права не выполнить. Знаешь, сколько в этот проект денег вбухано? Знаешь, сколько серьезных людей получили звезды и премии за всю эту конструкцию?

Я замотал головой.

– Лучше тебе не знать, – сказал он. – А топор опусти.

Я опустил.

– Молодец. Положи его на землю и толкни ногой в сторону. Вот так, хорошо. Теперь задавай вопросы. Времени у нас не так много. У тебя три вопроса. Поехали.

– Это что, пусковая площадка? – задал я первый вопрос.

– Да, пусковая. Бюджетная только. А ты что же, Сережа, думал, мы Байконур тебе соорудим? Ты забыл, что мы под санкциями, Сережа? Это раньше технологии можно было купить, можно было украсть, в крайнем случае – изобрести, а теперь все приходится делать вот этими вот руками... – Генерал снял перчатки и показал мне короткие волосатые пальцы, украшенные платиновыми печатками.

– Где ракета? – задал я вопрос номер два.

Вместо ответа генерал развернулся и пошел прочь твердой суровой походкой человека, привыкшего как к земным, так и к внеземным колебаниям. Поравнявшись с неопознанным мною закамуфлированным объектом, он эффектным жестом фокусника стащил с него драпировку.

Камуфляжная сетка скрывала пушку. Копию той самой Царь-пушки, может быть даже оригинал. Ее ствол был развернут к земле.

– Ты чего там притих? – усмехнулся Каплунов. – Впечатлен?

– Товарищ генерал! – отрапортовал я. – Но это же не ракета. Это какая-то бутафория. Муляж для отвода глаз.

– Это, Сережа, не бутафория. Это настоящая пушка. Девяносто один процент меди, шесть – олова, до одного процента цинка, кобальта, железа, никеля и серебра. – Каплунов

сделал паузу, зацокал языком и закатил глаза. – Отлита по чертежам одна тысяча пятьсот восемьдесят шестого года. Это, Сережа, больше, чем пушка. Это наша история. Наши корни, наши истоки. А потеряешь корни – потеряешь все остальное. Ты, наверное, сейчас думаешь, что это самоубийство. Это, Сережа, не так. Это большая ответственность. Не всем выпадает возможность совершить подвиг. В мирное время. Я, между прочим, тоже мечтал о полетах на Марс и Венеру, а был вынужден двадцать лет копать в этой снежной грязи и разбавлять мочой ГСМ, чтобы на закуску хватило, как какой-нибудь Витус Беринг.

– Но, товарищ генерал, как можно на этом взлететь? – спросил я.

– Нам, Сережа, не надо взлетать. Мы, то есть ты, Сережа, полетишь вниз... Стоп, отставить, полковник! – Каплунов угадал мою реплику. – Есть такие вещи, которые объяснить невозможно. Ими нужно просто гордиться. Так что гордись и не задавай лишних вопросов, тем более что твои вопросы закончились. Теперь говорить буду я. А ты будешь моргать. Один раз, если понял, два раза, если нет. Ты понял?

Я моргнул.

– Мы, между прочим, хотели Чубайса туда отрядить. Он бы им показал, что такое «Роснано». Щас бы рубль наш, Сережа, стоил у них восемьдесят бачей. Мы даже засаду устроили на него, но в последний момент оттуда, – генерал указал пальцем на крышу ангара, – дали отбой. Понимаешь, о чем я?

Я моргнул дважды.

– Молодец. Я тоже не понимаю, зачем им Чубайс. А сейчас иди ближе. Ко мне сюда и смотри.

Каплунов схватился за ближайшую бочку, перевернул ее днищем вверх и раскрутил на нем желтый пергаментный свиток.

– Этот манускрипт, – объяснил он, – был найден в месте падения Тунгусского метеорита. Это карта Земли. Видишь – здесь север, здесь юг.

Я снова моргнул, на этот раз без причины. Все моргают без причины время от времени.

– Вот где-то здесь, – Каплунов ткнул в верхнюю, девственно чистую область рисунка, – находимся мы. А тут, – его палец ударил в заштрихованный черным карандашом низ, – Овальный кабинет.

Я хотел моргнуть, но не смог, потому что глаза мои пучились от удивления.

– Да, Сережа, тот самый. Тот самый. Задание твое заключается в следующем: пролететь через центр Земли и высадиться на поверхность Овального кабинета ровно в три сорок пять по американскому времени. В это время их президент, как у них говорят, имеет свой ланч и смотрит тиви... Я, Сережа, вижу, что ты не можешь моргать, поэтому, так уж и быть, говори...

– А что он обычно смотрит? – выдохнул я.

– Думаю, порно. Что-нибудь из блэк-матер. Или даже из блэк-гей-матер...

– И я должен буду его оприходовать?

– Ни в коем случае. Там, – генерал снова указал пальцем на крышу, – сказали, пока никого не приходовать, хотя, конечно же, стоило бы. Они нас уже тридцать лет приходяют, а мы...

– Так, может?..

– Не может, – отрезал генерал. – Припугни просто. Скажи что-нибудь. – Генерал задумался. – Чисто по-русски. Какое-нибудь одно наше слово.

– «Рособрнадзор»? – предложил я.

– Подойдет, – сухо кивнул Каплунов. – Только надо напугать хорошенько. До дрожи. А то они над нами смеются. Ты понимаешь, Сережа, что они считают нас идиотами?

Я моргнул.

– А мы им покажем на деле, кто из нас кто. Короче говоря, когда их президент от твоих слов упадет в обморок, ты снимешь с его стола ихний флаг. И водрузишь наш.

– И все?

– И все. – Генерал вдруг улыбнулся какой-то детской, совсем беззащитной улыбкой. – Трендец Америке. Вашингтон наш. Ну что, к полету готов, товарищ полковник?

Я закусил губу и ударил мерзлую почву носком сапога, чтобы отогнать от себя предательский страх.

– А если не полечу?

– У нас, Сережа, потому и не получается ничего. – В голосе Каплунова прозвучала такая решимость, с которой люди бросаются на амбразуры. – Мы разучились верить в себя. Ты свой детский садик помнишь? Пионерлагерь помнишь? Кисель, манную кашу помнишь? Пиво по восемнадцать копеек? Сушеных подлещиков? А ацидофилин и эскимо на палочке? А заводы и фабрики? Где оно все сейчас?..

Я заморгал часто-часто и, словно ведомый каким-то невидимым ЦУПом, полез на лафет.

– Нету! – гудел генерал. – Теперь ничего у нас нету, ничего! Отняли, Сережа, они у нас родину!

Внутри меня закипал холодный огонь! Не знаю, имеется ли в природе такое, но сейчас оно во мне было точно. И кстати говоря, ствол пушки тоже был довольно холодным.

– Космос, Сережа, это не туристический рай, как рекламирует этот их Илон Маск. Космос – это пространство войны. А наша с тобой, Сережа, земля – часть этого самого космоса. Так что прорвешься, Сережа, зубами будешь грызть землю, если понадобится, но проберешься. Вот так, Сережа, вот так, только так!

В стволе пушки, куда я успел забраться, голос генерала приобрел интонации грома.

Страх прошел окончательно. Я был готов к полету физически и морально. Обхватив руками голову и зажмурив глаза, я просто ждал, когда Каплунов подпалит порох.

В пушке было довольно тепло. И места оказалось не меньше, чем в моей ипотечной квартире-студии. Так что я задремал.

Разбудил меня генерал, повозив по макушке шомполом. Это было неприятно. Мне даже захотелось заехать атакующему в пятак, но когда я вылез из пушки наружу и увидел генерала, желание это прошло.

– Все! Вылезай! – скомандовал Каплунов. – Пей водку, переодевайся в сухое. Ты нам подходишь.

Уточняя, что он имеет в виду, я спросил:

– Товарищ генерал, я полечу?

Генерал Каплунов кивнул:

– Полетишь. И не только. Будешь делать все, что скажет родина. Но только уже не сегодня. Сегодня была проверка, и ты эту проверку прошел. К тому же пороху нет, интенданты, сволочи, опять стырили порох. Вопросы?

– Один.

– Давай, только быстро.

– Товарищ генерал, что значит «скажет родина»? Как она скажет? Каким языком?

– Моим, – Каплунов звонко похлопал ладонью по животу. – Родина, Сережа, это мой позывной...

Глава 8. Урок политической экономии

Я так проникся рассказом, что не заметил, как кончился лес. А он именно кончился, то есть совсем. Вместо деревьев, откуда хватало глаз, а глаз моих хватало на километры, словно к носу моему были приделаны оптические прицелы, из пепельной, будто бы обожженной земли, торчали черные пни. Лес был не просто вырублен, он был уничтожен как вид. Даже бесполезные в военно-хозяйственном деле лишайник и мох были выдраны из земли, вытоптаны и выжжены. Будто кто-то, у кого не было ни профнавыков, ни достаточно времени, мучал и пытал лес, а затем судорожно скрывал следы преступления

– Это что? – пробормотал я вполголоса, на полную громкость меня от волнения не хватило.

Баулов и Лохопет промолчали, сочтя мой вопрос риторическим, и оказались правы. Они ошибались в другом: на этот риторический вопрос ответ все-таки требовался.

– Это что? – повторил я, повысив голос настолько, насколько мог в ту минуту. – Мы пересекли границу с Китаем? Нас захватили враги? Если одно из двух, то нужно сообщить в центр, чтобы центр применил оружие сдерживания по наблюдаемой местности...

– Подполковник, – произнес Стас, увидев мою растерянность. – Враг здесь ни при чем. Это девелоперы...

– Кто? – переспросил я. – Разве они не сидят?

– Всех посадить нельзя, – развел руками Баулов.

После слов майора у меня заболела голова, правая ее часть, отвечающая за воображение и эмоции. Я принялся массировать череп в районе виска, восстанавливая нейронные связи, разрушенные картиной местного апокалипсиса. И чем интенсивнее я разминал свой мозг, тем более убеждался, что Стасик был прав.

Генерал Каплунов объяснил мне однажды, что наш государство еще очень молодо, в терминах антропоморфизма оно может быть определено как ребенок, переведенный в подготовительную группу детского сада. Для того чтобы догнать и перегнать в развитии взрослых – коллективный запад и соединенные штаты – нам нужно в ускоренном темпе пройти все грядущие стадии: детство, отрочество, юность, зрелось и старость, чтобы умереть в первых рядах. Нет, не буквально, смерть – это метафора. Под смертью генерал понимал цифровую эпоху, ее еще называют постиндустриальной. Это когда никто не работает, когда все только поют и танцуют, меняют внешность и пол и играют в компьютеры, потому что работать негде, поскольку индустрии больше не существует. У нас, товарищ писатель, все, конечно, будет не так, нам таких безобразий не надо. Ни компьютеров, ни смены пола, ни танцев. У нас сохранится особый исторически определенный путь: одни будут сидеть, другие – их охранять.

– А при чем здесь девелоперы? – спросил я у Каплунова.

– Девелоперы, Сережа, при всем, – объяснил генерал. – Именно благодаря девелоперам мы повторяем историю хомо сапиенсов, мчимся дорогой проб и ошибок на повышенной скорости, типа на перемотке. И только девелоперы знают, куда. У нас, например, везде растет лес. Но мы с тобой не знаем, что «лес – наше богатство». Мы знаем эту фразу, повторяем ее постоянно, но значения не понимаем. Лес становится ценностью только тогда, когда девелоперы продадут весь лес иностранцам, а у нас вместо леса появятся прерии и песчаные бури. То же правило действует в отношении всего остального: зерна и картофеля, коров и гусей, заводов и фабрик... Неумная жадность девелоперов оставляет после себя загаженные реки, заброшенные деревни, загубленные леса, распиленные на металлолом фабрики и заводы, промышленные районы, переоборудованные в общественные пространства, точечную застройку и прочую комфортную городскую среду, которая вызывает транспортный коллапс в мегаполисах. И все это приводит к тому...

В этом месте на столе Каплунова зазвонил телефон с красной кнопкой. Сан Саныч нахмурился и отдал мне бровями команду «на выход».

Впервые я покидал кабинет генерала с тревожными чувствами, ведь я не люблю, можно даже сказать, боюсь многоточий. Они для меня словно мины, зарытые в поле.

– К чему это все приведет? – спросил я у членов группы.

– Сначала девелоперы переведут в цифры свои матактивы, затем оцифруют себя, и настанет цифровая эпоха, – протянул следователь безынтонционно. – Значение будут иметь только цифры и ничего больше...

– А мы? – я открыл рот.

– Мы станем цифрами тоже, – прошептал Лохопет.

– Мы давно уже цифры, – Стасик демонстративно рыгнул. – Например, мы с тобой, подполковник. Вот у тебя две большие звезды, а у меня одна, и я как бы перед тобой во всех отношениях говно: в зарплате там, во внимании телочек, в суде, если нам с тобой предстоит суд, ну и во всем другом. Зато все, кто у кого звездочки меньше размером, говно по сравнению со мной.

– А он? – спросил я, показывая на Антона.

– У него звездочек нет, поэтому он говно в принципе. – Майор сплюнул в щель между бревен.

– Ну, это здесь и сейчас, а в цифровом мире потом? – задал я Стасу вопрос, который готовил для Каплунова.

– Когда мы перейдем в цифры, – объяснил Стас, – у всех будут строгие цифровые значения, и неравенство усугубится.

– Трах-тибидох, – вырвалось из меня неприличное слово. – Это еще почему?

– Равенство невозможно в принципе. Посмотри на себя, на меня, на него, у нас же все разное: вес, рост, размер сапог, объемы полномочий и банковских ячеек. Идею о равенстве придумали аферисты, чтоб разводиться лохов.

– Это я понимаю, – кивнул я. – Но если нам попробовать собрать всех людей вместе и сделать все по-честному.

– Ты, в смысле, разделить все поровну?

– Ну, да. Имущество, зарплату, полномочия.

– Тогда работать люди перестанут. Начнется выяснение отношений. Местами и кровавое. И я тебя скажу, что через год все возвратится на круги своя: имущество и полномочия опять окажутся в руках у сильных и вооруженных. Мы, подполковник, так устроены – нам иерархия нужна, разность потенциалов. Иначе мы не сможем вместе сосуществовать. Вот если, например, мы трое вдруг окажемся на необитаемом острове, и там кроме нас окажутся еще две телочки и ослик, скажи мне: кто кому достанется?

Я пожал плечами.

– Да ладно, – прищурился Стас. – Будет только так: у тебя будет телочка получше, ты ведь старший группы, мне достанется вторая, а ему, – он показал на Лохопета мизинцем, – придется дружить с осликом. Понятно?

– Не совсем.

Мне стало жаль Антона, честно жаль.

– Тогда второй пример, – продолжил Баулов, – опять на острове нас трое, и мы находим три предмета: пистолет, электрошокер и лопата. Кому какой предмет достанется и кто будет копать? Вот он, – майор опять показал на Лохопета, не дожидаясь ответа. – Это я тебе как старший следователь по особо важным делам говорю. Это вам мой урок политической экономии о здешних местах.

На этот раз доводы Стаса показались мне убедительными, сквозь них просматривалась суровая правда жизни. Когда-то наш мир был пустыней и рано или поздно снова станет пустыней, населенной единственным человеком. Рано или поздно на земле опять останется только один человек, которых съест всех и все, в прямом и

переносном смысле, а потом сам умрет. Таков порядок вещей. Или просто порядок, если вещи отсутствуют.

– Объявляю вам благодарность, майор, – похвалил я его.

Вместо ответа Стас выругался. Выражение получилось замысловатым и длинным, и я сделал вывод, что майор был польщен...

Лохопет тоже выругался, глядя на нас. Его брань выдавала в нем дилетанта, так стеснительно и неумело сквернословят беременные и школьники. Мат должен идти от сердца, и тогда он мотивирует, побуждает к труду и подвигу, в противном случае он превращается в пошлую обценную лексику...

Помолчав пять минут, мы сели есть. Когда ты в походе, желательно съедать в два раза больше, чем умещается в животе. ЖКТ потом сам разберется, что усвоить, что выбросить прочь, а что запастись на так называемый черный день. При систематических занятиях желудок постепенно растягивается и заполняет собой все существо человека. Хорошо тренированный желудок способен без перерыва принимать пищу весь день и всю ночь.

Чем мы и собирались заняться. Тщательно жевать и слушать рассказ Лохопета. Из всех нас он один не раскрыл причину своего назначения.

– Военнонеобязанный Лохопет, – посмотрел я на Антона. – Наступил ваш черед поведать историю своей жизни.

Заметив, как неохотно гражданский откладывает в сторону банку консервов, Баулов подбодрил:

– Давай, ти-би-дох, не тяни!

Лохопет вытер губы, поправил штаны, посмотрел на Баулова, потом на меня, а потом мне за спину. Выражение его лица менялось при этом разительно: поначалу оно выразило презрение, затем безразличие, а затем исказилось ужасом.

– Вертолет! – закричал он. – Вертолет!

Мы с Бауловым обернулись одновременно и резко, как при команде «равняйся», и увидели «Аллигатора». Боевой разведывательно-ударный вертолет КА-52 подобрался настолько близко, что я мог разглядеть через лобовое бронестекло характерные черты двух пилотов. Лопасты «Аллигатора» вращались медленно и бесшумно.

«Это как же он так? Это как это так?» – недоумевал я.

Похоже, то же самое творилось и в голове у Баулова.

– Трах-трах-трах. Та-ра-рах! – обратился он к вертолету.

Зря он начал ругать вертолет. Очень зря... потому что... в общем так, товарищ писатель, если вы когда-нибудь получите разрешение на прогулку по Стиксу, никогда не материтесь на вертолеты.

Я не знал наверняка, какое оружие по нам будет использовано: тридцатимиллиметровая авиационная пушка, ракетный комплекс «Бобер» или бомбометательный аппарат «Скунс», но я ни секунды не сомневался, что будет.

– В укрытие! – заорал я, ныряя в шалаш и увлекая за собой Лохопета, поскольку был уверен, что Антон не понимает, что такое укрытие и что сейчас происходит.

Кстати говоря, Стас, не отличавшийся быстротой действий в повседневности, уже находился в шалаше, лежа на спине и прикрыв паховую область котелком для приготовления пищи. Он сработал четко по уставу испытателей, смотри пункт 140-бис: «Действия старпома при налете и/или обстреле в рамках пакета мероприятий по сохранению генофонда страны». Я улегся на живот, потому как котелок у нас был на всех один. В это время раздался оглушительный грохот. Плот подбросило вверх, потом ударило о воду. И подбросило снова. Тогда я оценил перегрузку в четыре с четвертью джи, сейчас мне кажется, что она была еще больше. Так или иначе, наш замечательный борт проявил чудеса стойкости и не развалился на отдельные бревна. С тех пор я предпочитаю плоты катерам, крейсерам и даже подводным лодкам.

Нас кидало еще несколько раз, прежде чем кинетическая энергия приобрела потенциальный характер. Некоторое время мы оставались неподвижны, приходя в себя, затем вылезли наружу. Ничего вокруг не напоминало о налете. Ничего, кроме черной спирали, разрезающей небо на две неравные части. Это был дым от горящего «Аллигатора», которого болтало из стороны в сторону, как глупую муху, залетевшую между окон.

Нам невероятно повезло, в отношении нас была применена экспериментальная неуправляемая ракета серии «Коррупция-8». Неожиданность маневра является ее главным достоинством. Ни одно ПВО мира не в состоянии определить, куда полетит такая ракета, в цель или в стрелка. В нашем случае она угодила в стрелка.

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, – часяли ы на моем запястье проббили тревогу...

Глава 9. После налета

– Не повезло пацанам, – произнес Баулов с сочувствием, разглядывая из-под ладони дымящийся вертолет. – Как думаешь, подполковник, дотянут они до базы?

– Дотянут, – уверенно сказал я. – Должны – нет, обязаны дотянуть.

Я сочувствовал летчикам, не мог не сочувствовать, я ведь и сам был пилотом.

– Я бы на их месте, – следователь потянул в себя пахнущий гарью воздух, – применил обычную штатную пушку. И мы бы с тобой, подполковник, сейчас разговаривали бы в раю.

– Согласен в технической части, – откликнулся я, – а что же касается философской: не верю я в рай, майор.

– Во что же ты веришь?

– В разум. В науку, – объяснил я. – В мировое правительство. В рептилоидов. Но больше всего я верю в то, что рано или поздно мы освоим Луну. Мы будем там жить и смотреть на Землю, как смотрим сейчас на этот дымящийся вертолет.

Мы замолчали, разглядывая черную точку. Я, как обычно, думал о космосе. Баулов, мне показалось, думал о космосе тоже. Космос – лучшее, о чем может думать мужчина.

– Господа, вы можете мне объяснить, что это было? – дряблый голос Лохопета прозвучал резко и громко.

Я вздрогнул от неожиданности – это был первый вопрос, который задал Антон.

– Отработка, – пояснил Баулов лениво, – учебная стрельба по движущейся мишени. «Хорошие нервы», – подумал я о нем.

– А почему мишенью были избраны именно мы? – опять спросил Лохопет. – Трое невооруженных, одетых в штатское, временно неработающих, небритых людей?

– Так уж и неработающих, – хмыкнул Баулов. – Посмотри на него. – Следователь повел в мою сторону мизинцем и указательным. – От него за версту потомственным офицером разит, что бы он на себя ни напялил и сколько бы дней ни пил. Меня, между прочим, трах-тибидох, тоже с девятого класса ментом в школе стали дразнить. А я тогда сам не знал, что я буду мент. Думаю, нас распознали...

– А кто распознал? – Антон расстегнул пуговицу на вороте нервным движением. – Китайцы?

– Китайцы на «Аллигаторе»? – Майор издал три козлиных бляения.

– А кто же тогда? – спросил я, чтобы прервать бауловский смех.

– Неф-тя-ники, – протянул майор с уважением.

– С какой это стати? – вознегодовал Лохопет.

– А что им здесь делать? Баб вокруг нет, и казино нет, и симфонической музыки нет, и границы закрыты. Они живут тут годами и охраняют свои нефтяные вышки. Раньше на оленей охотились, теперь, когда леса вырубili, стали на воде мишени искать...

– Ку-ку, – пропела механическая кукушка.

Это было некстати, ну совсем ни к чему, и я машинально спрятал руку поглубже в карман.

Антон посмотрел на меня, на Баулова, на небо, опять на меня и сказал:

– Товарищ подполковник, по-моему, ваши часы отстают.

Как будто в подтверждение его слов часы снова пробили «ку-ку».

– Трах ти-би-дох, – выругался майор.

А я удержался. Но так или иначе парнишка был прав. Вся эта долгая и мучительная для нашей великой страны история конверсии производства, когда под предлогом борьбы за мир нас заставляли переделывать танки в комбайны, каски в кастрюли, а радиопередатчики в магнитофоны, закончилась полным провалом. Мы не только не смогли сделать из отличной противопехотной мины высококачественных часов, мы, когда возникла необходимость, не сумели эти часы переделать в мины обратно. Да, раньше у нас не было многих удобных товаров: туалетной бумаги, АКПП и сотовых телефонов, но зато были самые лучшие ракеты и пушки, теперь не осталось ни того, ни другого... только муляжи, имитация, оболочка... это касалось всего, что нас окружало: от моих командирских часов до догорающего в облаках вертолета...

Я расстегнул кожаный ремешок, сжал циферблат в ладони и приготовился запустить часы в воды Стикса, как вдруг заголосила кукушка:

– Ку-ку-ку-ку. Ку-ку-ку-ку.

Постепенно ее однообразная речь стала складываться в мелодию нежную и грустную одновременно. В голосе кукушки было столько тоски, столько горечи, сколько не могло быть ни у французской, ни у англосаксонской птицы. Только у нашей, видевшей из своих высоких кустов всю нашу безутешную жизнь во всем ее неглиже.

– Ку-ку. Ку-ку, – пела птица. – Ку-ку. Ку-ку.

– Ку-ку, ку-ку. – Я не сразу почувствовал, что подпеваю ей.

Как только я понял это, справа от меня раздался тенор Баулова, а затем и баритон Лохопета, чуть позади и слева.

– Ку-ку, ку-ку, – пели мы вместе.

Все вчетвером. Люди и птица. Каждый пел о своем: о потерянном детстве, о несчастной любви, о несложившейся жизни.

Мы пели, а наш плот плыл, и мы не могли остановиться. Я чувствовал в себе связь со всем, что когда-либо видел, о чем когда-либо слышал. Все мое прошлое, все мое будущее, все мое «я» стало вибрацией двух простых звуков. Бесконечной, вечной вибрацией звуков...

Ку-ку. Ку-ку.

Вдруг птица в часах замолчала. Внезапно и резко. Так же внезапно и резко стало темно. Это солнце, еще недавно освещавшее воду красным пламенным светом, село, нет, упало за горизонт.

Я ощутил непреодолимую тяжесть, словно на меня наехал Т-200 с полным боекомплектom, под его тяжестью я сначала сел, затем лег – и заснул.

Мне приснился... нет, мне и в тот раз ничего не приснилось. Я уже рассказывал вам, что не вижу снов. Главный военный психиатр – полковник Золотарев – объяснил мне этот феномен (он так и сказал: «феномен», видимо надеясь удивить меня иностранным словом) тем, что моя психика подчиняется только предустановленным директивам и не впускает в себя ничего постороннего. Иначе говоря, у меня отсутствует воображение и ассоциативная память...

В пять пятнадцать утра (время было установлено мною через расположение звезд при наблюдении с уровня моря; если бы я в тот момент находился на вершине холма или на небоскребе, техника расчетов была бы иной, и время тоже было другое) нас разбудили пьяные аккорды гармонии...

Звуки раздавались словно возле самого уха. Будучи на ты с законами рефракции звука, я знал, что возле моего уха никого нет, значит, непосредственной опасности нет. Но, с другой стороны, сам характер звуков: гармонист пытался то ли задушить, то ли разорвать инструмент – говорил о серьезной угрозе.

Некоторое время я притворялся спящим, который, отлежав себе ногу, руку или другую конечность, ворочается во сне. Таким образом я подготавливал мышечный корпус к действию. Поняв, что мои маневры остались никем не замеченными, я приступил к более активным действиям – поднялся на четвереньки и перешел на подпрыгивания в полуприседе. Завершив рекогносцировку боковым уходом назад, я позволил себе открыть глаза.

Примерно в ста метрах, справа по курсу, на рейде стояло самоходное судно. Точнее, сторожевой пограничный баркас типа «Тревожный», образца одна тысяча девятьсот пятого года. Суда этого класса обычно барражируют вдоль водных границ государств, предотвращая попытки незаконного пересечения оных отдельными лицами, группами лиц и подлежащими таможенному оформлению товарами.

Однако сейчас этот баркас больше походил на фрегат. Пиратский фрегат. На палубе между мачтами дымился костер, на шампуре висел обкусанный свиной окорок. С бушприта свисала рыболовецкая сеть, наполненная бутылками с водкой. Возле костра, спиной ко мне и лицом к подсвеченной судовым фонарем рубке, сидело четверо мужиков, жилистых, крупных, затянутых в камуфляж. Один из них был гармонист, который мучил гармонику. Взгляды всех четверых были устремлены на крышу рубки. Там танцевала женщина, одетая в ожерелье из медвежьих зубов и нечто напоминавшее медвежью шкуру. Двух тактов хватило мне, чтобы понять, что женщина исполняет танец феи Драже из балета «Щелкунчик». Я уважаю хореографию и сам танцую. Если бы я не стал испытателем, то посвятил бы себя балету, поскольку и то и другое, точнее, только то и другое – испытательство и балет – именно они делают нас теми, кем мы являемся. Теми, кто идет только вперед, теми, кто побеждает свой страх, вызывая страх у других, теми, кого все боятся. Я имею в виду наших врагов – страны Запада. Востока и Запада, а по гамбургскому счету – Севера, Востока, Юга и Запада. Так-то.

Вот, товарищ писатель, бывало, придешь домой вымотанный, высушенный и отжатый в центрифуге, имитирующей сверхперегрузку, или после тренировки нахождения в безвоздушном пространстве, и сил в тебе нет ни на что. И вдруг увидишь висящие на шведской стенке пуанты. Скинешь с ног грязные булжники форменных берцев. Переобуешься в белоснежные чешки. Встанешь к станку в арабеск, постоишь в нем минуты две-три. А потом тело само начинает двигаться, ты только вспоминаешь название позиций: легчайший *Assemblé*, изящное *Emboîté*, нежнейшее *En tournant* и любимое фуэте.

Извините меня за французский, товарищ писатель, без французского в балете каши не сварить. Без французского балет не балет, а краковяк...

Поэтому именно фуэте и ничего другого...

Ну а дальше пойдет само: от адажио до аллегро. Не замечаешь, как ночь наступает, а иногда и рассвет.

Балет – это не только искусство. Балет – это сила. Искусство, полезное в жизни.

Кто владеет балетными техниками, тот любого дзюдоиста превратит в отбивную...

Я часто думаю о балете, но тогда, глядя на женщину в шкурах, я думал совсем о другом, я тогда неожиданно понял, что мне хочется стать премьером. Ее премьером. Подержать на весу, поносить на руках, подбросить высоко-высоко, до самого колосникового пространства, потом сделать с ней па-де-де и никогда больше не расставаться...

И все от того, как она танцевала. Не каждая женщина исполнит вам танец феи Драже под звуки гармонии. А она танцевала. Гибкая как каучук, тонкая как игла, сильная как бурундук, она словно летала над рубкой.

Наш плот между тем каким-то одной воде ясным образом изменил траекторию и пошел навстречу баркасу. Он двигался совершенно бесшумно. Неудивительно, что ни я, ни мой экипаж не почувствовали динамической перемены, и что ни пираты, ни прима не обнаружили нас.

Полет балерины околдовал меня, я остался стоять в той позе, в которой ее увидел: в позиции премьеры – подбросившего, да так и не поймавшего свою приму.

Что она делала здесь? Как попала на этот браконьерского вида корабль?

Конечно, ее похитили. Она шла по лесу и собирала бруснику... хотя где здесь лес... Ее похитили из города, из театра, в антракте спектакля. Большого театра! Такая женщина может играть только в Большом, только в Большом. Под светом софитов. Под гром аплодисментов. А ей приходится танцевать босиком на шифере рубки, рискуя упасть и получить травму голени, – и все для того, чтобы развлечь толпу пьяных гопников, добывающих противозаконным путем деньги на водку.

Эти гопники украли ее и требуют денежный выкуп.

Во сколько они оценили ее? В пятьдесят тысяч? В сто?

Крохоборы! Такая женщина должна стоять не дешевле, чем новейшая баллистическая ракета, та самая, гарантирующая тотальное превосходство над вероятным противником на земле, в небесах и на море.

– Ну ни хрена себе телочка! – раздался за спиной восхищенный голос Баулова.

Я повернулся и увидел своих парней. Оба казались собранными и решительными. Их внешний вид и особенно выправка свидетельствовали о том, что ребята все это время не спали и тоже смотрели танец Драже. Оценив боеготовность отряда на сто два процента, я решил пойти в наступление.

– На абордаж! – крикнул я.

Одновременно со звуком моего голоса плот глухо стукнулся носом в заржавленный бок баркаса.

– Трах-тибидох! – в панике закричали пираты.

– Трах-тарарах! – отозвались мои ребята.

– Трах-тибидох-трух! – зло резюмировал я.

Только женщина не проронила ни слова.

И началась драка!

Глава 10. Настенька

Потому что боем это, конечно, назвать было нельзя. Корабельный бой, знаете ли, дело серьезное, требующее тщательной рекогносцировки, скрупулезной разработки плана, огневой подготовки и последующего маневрирования. Бой – это основная форма тактико-технических мероприятий, нацеленных на подавление противника, невозможное без согласованных действий отдельных огневых единиц, частей и соединений, предусматривающее обязательное наличие флангов и центра, тыла и авангарда, солдат и командира. Перед корабельным боем обороняющейся стороне выставляется ультиматум, окончательный итог боя подводится пактом о капитуляции. Ничего такого при захвате баркаса не было. Да и не могло быть. Разве можно вести бой с толпой пусть и вооруженных, но безграмотных в военном отношении оборванцев? Нельзя! Их можно было только выбросить за борт, что мы и сделали.

Точнее, один Баулов. Надеюсь, из моего повествования стало понятно, что Лохопет профнепригоден к ведению каких-либо боевых действий. В этом противостоянии у Антона имелось всего две возможности: свалиться за борт или встать на пути шальной

пули. Я нашел для него третий путь – столкнул в трюм, а сам направился к балерине, предоставив майору полную свободу маневров. Я был уверен в Баулове, потому что и сам бы на его месте легко справился с четверыми. Не зря же перед каждым серьезным заданием я пересматриваю два великих во всех смыслах фильма: «Пиратов двадцатого века» и «Черепашек-ниндзя».

Пока я взбирался на рубку, майор очистил «Тревожный» от контрабандистов. Их черные немытые головы, то исчезая, то появляясь над волнами, медленно удалялись от судна.

Поняв, что победа одержана, я посмотрел на танцовщицу. Вблизи она оказалась еще изящнее, чем на расстоянии выстрела. Она была из тех женщин, которых нельзя описать словами. С ней хотелось одновременно петь и танцевать, идти в бой и разведку, говорить на высокие военно-научные темы и отмотилизовать немедленно. Во мне сейчас говорит офицер, человек скупой на слова, а окажись на моем месте поэт, так он только бы о ней и писал, только о ней, а скульптор только бы таких и лепил. Как-то так.

В общем, я решился подойти к танцовщице, деталей не помню, однако уверен, что это был четкий строевой шаг, и представился:

– Подполковник Калюжный!

– Я Настенька, – сказала она и запорхала ресницами, как вертолет перед взлетом.

– Начальник оперативной научно-розыскной группы, – продолжил свое представление я; мне хотелось, чтобы она знала обо мне все. – Заслуженный испытатель, звеньевой восьмого истребительного отряда летчиков-испытателей и космонавтов. Сто восемьдесят пять, семьдесят семь, сорок три. Сорок семь лет. Разведен. Что в сумме всех измерений дает триста пятьдесят три. Имею прописку в городе-герое Москве.

– Не надо, – попросила Настенька, начиная краснеть (так мне показалось). – Я уже поняла, что вы герой. Большое спасибо вам и вашим ребятам. Вы спасли мою жизнь.

– Не надо благодарить, – выдохнул я. – Это наш долг.

– Сейчас все говорят о долге, любви к родине и патриотизме, – с горечью сказала она. – Но на деле ведут себя, как они. Те, которых вы победили.

– Это еще не победа, – ответил я, чувствуя, что сам начинаю краснеть. – Но мы обязательно победим. Пойдешь к нам в отряд?

– Не знаю, – сказала она, поправляя чулок на бедре. – Сначала надобно разрешение у папеньки испросить.

– Папенька? – нахмурился я. – От слова «папик»?

– Папенька, – она посмотрела на меня как на ребенка, – от слова «отец».

– А-а-а, – протянул я и замолчал.

Я молчал, а должен был спрашивать. Я ведь был на задании, где сбор данных является главным аспектом исследований. Я как минимум должен был узнать ее легенду. Выяснить, кто она. Где проживает? И с кем? Что делает здесь?

Но ничего подобного я не спросил. Я не мог сформулировать мысль. Неказистые волны моих умопостроений разбивались о пирсы ее красоты. В итоге я выдавил из себя еще одно неопределенное «а-а-а», а потом еще более неопределенное «э-э-э».

– Меня зовут Настенька, – повторила она, приходя мне на помощь. – Родом из Сибири. Живу вместе с папенькой в городе Н. А здесь танцевала балет.

– Город Н? – вырвалось из меня. – Город Н!

Этот город был целью нашего путешествия. И, как кажется, у нас теперь был проводник. Очень недурной проводник.

– Да. А что здесь такого? – удивилась она. – Город как город.

– Не скажите, – начал я и замялся.

– Что это значит? Поясните, пожалуйста, – попросила она.

– Э-э-э.

Я понимал, что мои реплики выглядят дико, но ничего не мог с собой сделать.

В ожидании моего пояснения она посмотрела мне прямо в глаза.

– Э-э-э, – повторил я, разрываясь между признанием женщине и военной тайной.
– Видите, – улыбнулась она. – О нем даже сказать нечего. Городов таких у нас сотни, если не тысячи.

– Да уж, – с облегчением выдохнул я, почувствовав, что могу избежать скользкой темы, и добавил уже в своем обычном режиме: – Дорогу покажешь?

– Покажу, – блеснула она глазами.

– А поведешь? – уточнил я.

– И поведу. Я ведь и сама туда собираюсь. Попасть к нам не сложно. Дорога всего одна – эта река.

– Стикс? – переспросил я.

Мне хотелось, чтобы она посчитала меня эрудированным, начитанным человеком.

– Стикс, вообще-то, не здесь. – Настенька улыбнулась уголками губ. – А у этой реки пока нет названия, потому... пускай будет Стикс. Пускай.

– Что ж, – сказал я, мысленно похвалив себя за то, как веду разговор. – Тогда добро пожаловать на борт. – И показал на плот.

Когда мы перебирались с баркаса на наше судно, я протянул Настеньке руку, но она неувловимым движением кисти отказалась от помощи, и моя пятерня наткнулась на волосатую лапу майора Баулова и сцепилась с ней крепко и жестко. Мы постояли так примерно с минуту, как будто бы не замечая друг друга, затем взяли друг друга в замок. Я действовал автоматически, и он тоже. Наши подсознания работали по инструкции, установленной матушкой нашей природой. Все то время, пока Настенька изучала плот, мы с майором боролись, хотя это не бросалось в глаза посторонним. Со стороны казалось, что мы старые друзья, которые не виделись много лет. На самом деле схватка была более чем серьезной: у одной женщины должен быть либо один мужчина, либо ни одного. Только один мужчина или ни одного должен был остаться после нашей борьбы с майором.

Мы отпустили друг друга лишь после ее слов.

– Очень хочется кушать, – сказала она. – У вас есть еда?

– Есть, – сказал я, жадно вдохнув и потирая ушибленное плечо.

– Какая?

– Обычна пайковая еда: тушенка, сухари, сухой чай, вода. Полезно и вкусно.

Заметив в ее взгляде вопрос, я пояснил:

– В обычных условиях чай принято заваривать кипятком, но мы здесь жуем его так.

Из соображений секретности не разводим огня.

– Все с вами понятно, – сказала она.

– Так будете есть? – повторил я вопрос.

– Пожалуй, что нет. Подождем до утра. К утру как раз доплывем...

– Уже? – спросил я, вглядываясь во тьму. – Мы второй день в пути.

Я был уверен, что плыть еще сутки.

Вместо ответа она опустила на скамью на корме и отвернулась к воде.

Я сразу забыл свой вопрос, пораженный красотой открывшихся моему взору шеи и рук.

«Как это так? Почему это так? – думал я. – Одни женщины выглядят просто как женщины: обычные или там никакие. Их замечаешь только тогда, когда они сварят суп или выстирают штаны. Посмотришь на такую как-нибудь мельком, скажешь спасибо, просто потому что воспитан, и в следующую секунду забудешь до следующего обеда. А бывают такие, как эта...

Вот Настенька, она ведь сейчас ничего совершенно не делает. Ну, ничего вообще, просто сидит с незаинтересованным видом. А глаз отвести невозможно. Просто невозможно глаз отвести...»

– Товарищ подполковник, Калюжный! – отвлек меня от мышления испуганный шепот.

Я оглянулся и в метре от себя, на уровне плеч, увидел лицо Лохопета. Оно было серым и съежившимся, словно подтаявший и снова замерзший снег. А глаза были черные, круглые и пустые – как у игрушечного медведя.

– В чем дело, вольнонаемный? – шепнул я в ответ.

– Нам нужно срочно избавиться от нее, – одними губами произнес он.

– Почему вы так думаете?

– Потому что это не женщина!

– Кто же тогда?

– Колдунья!

– Отставить, Лохопет! Колдовства не существует. Есть внушение, есть самовнушение. И более ничего.

– Самовнушение? – переспросил Антон. – Вы на Баулова посмотрите.

Тревожная гримаса на лице вольнонаемного заставила меня переключить фокус внимания на майора.

Баулов стоял на краю плота в позе писающего ребенка. Но не мочился, а только тужился. Его неподвижный немигающий взгляд был устремлен на Настеньку. Он смотрел на балерину, как смотрит на недоступную жертву закованный в кандалы, запертый в клетке маньяк – с неутолимой страстью и страхом.

– Отставить, майор! – закричал я.

Ни один мускул на теле Баулова не отозвался.

Зато отозвалась Настенька.

– Калюжный! – сказала она, развернув себя к нам. – Какие же милые в твоём отряде друзья.

– И ничего-то не милые. Просто майор и человек без звания. – Мне стало обидно и я, подумав, добавил: – И они мне не друзья.

– Это их ранги, – протянула она. – А зовут-то их как?

– Антон, Станислав и... Сережа.

– Антон – это ты?

– Нет, не я.

– Тогда Станислав?

– И это не я. Я Сережа.

– Сережа? – переспросила она. – Какое-то детское имя для подполковника. Вы не находите?

– Меня, – смутился я, – так называет генерал Каплунов.

– Он гей?

– Нет... нет... не знаю... – замотал я головой. – У нас это нельзя. Запрещено уставом. В личном плане возможно только товарищество.

– Теперь это можно везде, – улыбнулась Настенька.

Она умела вводить людей в краску.

– Товарищ подполковник, – снова зашептал Лохопет, – ее нужно выбросить за борт. И срочно!

– Молчать! – зашипел я на Антона. – Еще одно слово – и сам окажешься за бортом.

– Какая прекрасная ночь, – сказала танцовщица.

Я с сомнением посмотрел по сторонам, но подыграл ей:

– Так точно!

– В такую ночь хорошо пить шампанское, – сказала она. – Сережа, у вас есть шампанское?

– Опять-таки, – ответил я и замолчал, не зная, что сказать дальше.

– Устав? – уточнила она.

Я кивнул.

– Тогда я пошла спать. У вас есть каюта для дам?

– Есть! – отрапортовал я и указал на шалаш.

– Тогда всем спокойной ночи, – помахала она мне и моему отряду рукой.

Не знаю, спала ли она, но мы с ребятами глаз не сомкнули. Баулов так и простоял у края плота, а Лохопета всю ночь била дрожь. Что касается меня... то я всю ночь думал.

Я думал о женщинах. О задачах и целях женщины в мирное и военное время. Женщина-портниха, женщина-маляр, женщина-сталевар, женщина-снайпер. Женщина-испытатель, женщина-разведчик, женщина-диверсант, женщина-военный министр, женщина-военный диктатор. Женщина-жена, женщина-мать, женщина-вдова. Женщина начинала, женщина и заканчивала. Женщина уничтожала и женщина создавала.

Получалось, что женщина могла делать все, что умел делать я и мужчины в целом. Получалось, что женщины могли обходиться без нас, а мы без них нет. Мы не умели создавать жизнь...

– Ку-ку, ку-ку, – пропела кукушка.

Я снял с руки часы и спрятал подальше в подсумок.

Глава 11. Атака

Как я и сказал, мы не спали всю ночь, но рассвет пропустили все. То ли сон накатил в последний момент, то ли место было каким-то особенным, владеющим техникой маскировки. Да, именно маскировки. Да, будет известно вам, товарищ писатель, что земля это не просто окруженный воздухом и водой набор минералов. Нет! Земля – живой организм, она наша мать, а мы ее дети. Мы вот думаем, что хозяйничаем на ней: понастроили городов, растатуировали железнодорожными нитями, расsverлили в поисках драгоценностей, на куски поделили. Это все до той поры, пока она терпит. А когда перестанет терпеть (ей однажды все то, что мы делаем, обязательно надоест), потрясет нас и смоем потопом. И опять на ней не останется ничего, кроме подводных лодок.

В общем, я очухался только тогда, когда плот чиркнул килем по песчаному дну. Я открыл глаза и увидел высокий берег, лес на берегу и солнце над лесом, высоко-высоко, где-то на уровне одиннадцати часов.

Сплюнув на ладонь, я прилизал волосы, оправил одежду и трижды ухнул филином, подготавливая команду к высадке. Баулов отозвался петухом, звонко и лихо, как на смотре в училище. Лохопет, как типичный представитель гражданской масти, сделал испуганные глаза. И мы прыгнули в воду. Мы, конечно, могли подвести плот ближе к берегу и спокойно пришвартоваться у пристани, что виднелась в полста кабельтовых справа по борту, но... Если бы вы знали, товарищ писатель, что такое атака с моря, как она романтична. Ты преодолеваешь силу стыллой воды, поднимая над головой боеприпасы и снаряжение, а в это время тебя с господствующих, хорошо укрепленных позиций поливает огнем вероятный противник. И поскольку плотность воды в семьсот восемьдесят раз больше плотности воздуха, ты лишен и скорости, и маневра, ты не можешь ни пригнуться, ни уклониться. Ты практически беззащитен. Тебе остается либо умереть, либо победить. И ты одерживаешь победу... потому что патроны, которыми в тебя стреляет противник, все до одного холостые.

Что-то я расфилософствовался. Тогда ни о чем подобном я, конечно, не думал. Мы просто высадились в требуемом квадрате и захватили плацдарм для последующего развития атаки.

– Окопаться! – коротко скомандовал я.

За два с гаком часа мы вырыли себе по окопу, а для Настеньки построили уютный блиндаж, выложенный свежим багульником.

Полевая кухня – вот чего нам не хватало для полного счастья, в смысле что кухня превратила бы наш бивуак в какой-нибудь дорогуший грязелечебный курорт. Но и без кухни, знаете ли, место казалось приятным: лес, солнце, воздух, вода и красивая женщина.

Одно было плохо: я не понимал, что делать дальше. Пока ребята заправлялись тушенкой (Настенька, кстати говоря, тоже съела две банки), я думал.

На прощание Каплунов отдал мне приказ действовать по обстоятельствам по мере приближения к объекту. Как определить нужные обстоятельства и что считать обстоятельствами, он не рассказал.

Я то и дело поглядывал на часы, но кукушка молчала. Тогда я достал из вещмешка телефон, включил питание и всмотрелся в меню пиктограмм. Строго говоря, пиктограмма была всего лишь одна – ярко-красная кнопка. Если нажму на нее, услышу голос Сан Саныча. Но я также знал, что это будет не сам генерал, а дежурный пародист на штабном коммутаторе. Этот пародист может изобразить мне кого-угодно – от Сан Саныча до Барака Обамы – и рассказать что угодно. Только будут ли иметь юридическую силу такие слова?

Меня выручила Настенька. Она не только управилась с едой раньше всех, но еще и успела свернуть из жестяных баночных крышек сережки в форме рыбачьих блесен. Сделай подобное любая из немногих моих знакомых, я бы непременно решил, что она рехнулась, но вот Настенька... очень красивым женщинам идет все, вообще все, даже если на них нет совсем ничего...

Так вот Настенька блеснула своими сережками и закричала звонко, как горн:

– За мной! – И немедленно скрылась в лесу.

– За ней! – скомандовал я, понимая, что если мы упустим ее, то сами едва ли найдем дорогу в город.

Мы оставили в лагере всю амуницию, за исключением носильных вещей, и устремились за Настенькой. Она двигалась быстро и ловко, несмотря на пересеченную местность. Стараясь не потерять из виду ее тонкие и длинные лодыжки, я несколько раз упал. Я использовал все свои двигательные навыки, но расстояние между нами не сокращалось.

Представляете, товарищ писатель, мы втроем бежали за женщиной, не в том смысле чтобы настигнуть и завалить, как миллионы наших пращуров от обезьян до ныне действующих человекоподобных субъектов. Мы бежали за ней, как рядовые бегут за командиром, хотя фактически командиром числился я.

По форме и содержанию это снова была атака, однако оставалось неясным: кого и зачем мы атакуем. Хотя я и не требовал ясности, поскольку ответы на такие вопросы обычно известны лишь высшему комсоставу и составляют военную тайну. В нашем деле, как и в любом другом, тоже существует разделение труда. Одни бегут, вторые стреляют, третьи руководят, четвертные наблюдают, пятые строят планы, шестые их отменяют, седьмые получают награды – у каждого своя боевая задача, и каждый знает только то, что делает сам. Проходят десятилетия, рассекречиваются архивы, публикуются документальные данные, а суть и смысл большинства боевых операций так и остается загадкой...

Да что я, собственно говоря, перед вами оправдываюсь. Я слишком устал тогда, чтобы кого-либо о чем-либо спрашивать, моих органов чувств едва хватало на читку окружающего пространства. Во время броски командиру необходимо чувствовать точное время, автоматически вычислять широту, долготу, высоту над уровнем океана и близость врага...

В тот раз я справился со всеми заданиями, кроме последнего.

Я так и не понял, как мы попали в город...

Глава 12. Город

Я так и не понял, как попал в город. Он возник ниоткуда. Просто возник. Встал передо мной, как скала. А лес пропал, и вместе с лесом пропала Настенька. Но я не думал

о ней в тот момент. Мужчина не так часто думает о женщинах, как ошибочно считают последние. У мужчины на первом месте долг, на втором – работа, на третьем – рыбалка, на четвертом – пулевая стрельба, ну, и так далее...

Город... Еще минуту назад вокруг нас были только сосны и мох, даже неба не было видно, оно пряталось за зеленой маскировочной сетью, вытканной из растений. А теперь стоял город. Наукоград, как обмолвился генерал Каплунов. Снежно-белые, словно только что выстроенные пятиэтажки, междомовые пространства, светофоры, столбы электропередачи и линии связи. Автомобили (все как один отечественные), припаркованные ровной линией на выделенных разметкой стоянках из расчета двадцать единиц на сто жителей. Мамаши с колясками в соотношении одна к одному – одна мать на однокомнатную квартиру. Маленькие собаки в намордниках... Собак я считать не стал, я не кинолог. Город выглядел как на учебных архитектурных макетах – неестественно аккуратным и чистым. Опыт развития человечества подсказывал мне, что такого порядка невозможно добиться в реальной жизни, но глаза шептали обратное, отчего в душе затеплилось радостное предчувствие.

«Неужели все возвращается?» – подумал я, и сердце мое застучало часто и шумно.

Огромным усилием воли, сравнимым по силе с ракетным ударом «воздух-земля-воздух-воздух», я приказал себе успокоиться. И успокоился. Так было надо для дела. Вход опергруппы в новую местность – в новый город, в другую страну, в ресторан, в туалет – требует действий слаженных, четких и трезвых. Только в этом случае могут быть обеспечены внезапность и незаметность – качества, создающие решающий перевес сил опергруппы над любой другой группой, численностью от двух человек до населения целой планеты.

Перейдя на язык знаков, я показал ребятам два пальца – средний и указательный – и провел по лбу взад-вперед. Баулов отозвался немедленно, вытянув из кулака средний палец и указывая им в небеса.

«Собирается дождь», – понял я.

Впрочем, для решения нашей задачи дождь едва ли являлся помехой, о чем я поведал Баулову троекратным утиным кряканьем. Он подтвердил прием, пропев крапчатым зябликом. Я дал понять, что услышал его ответ, куропаткой. Он заухал совой. На что я залаял дикой собакой. Мы не только делились оперативной обстановкой, мы делились историями из прошлого и рассказывали друг другу о наших чаяниях и мечтах. Опытные разведчики могут переговариваться часами, не выдавая себя.

По обыкновению Лохопет в дебатах участия не принимал. Он казался то испуганным, то задумчивым, словно знал много больше того, что было известно нам...

Мы внедрялись в город по всем правилам разведывательного искусства: заходили с подветренной стороны и учитывали особенности ландшафта. Мы сливались с рельефом местности, становились кустами, если вокруг были кусты, деревьями, если – деревья, кирпичами, если на нашем пути возникала стена. Даже если вероятный противник имел прибор инфракрасного обнаружения, он бы не распознал в нас людей. В лучшем случае он бы принял нас за сгустки отработанного топлива, выплюнутые выхлопной трубой неисправного автомобиля.

Тем не менее разоблачили нас как детей, что забрались в поисках яблок в колхозный сад. Нам оставили незапертой калитку, а потом вели типовым маршрутом, характерным для большинства городов страны, умным человеческим маршрутом, выверенным самой жизнью, с четкой расстановкой смыслов, от исполнителя к младшему командиру, от среднего комсостава до самого верховного лидера. Переулком матроса Железняка, тупиком Урицкого, улицей Кирова, проспектом Дзержинского мы продвигались к центру (точнее, вершине) – площади Владимира Ильича Ленина.

Вы, товарищ писатель, думаете, что мы поступили прямолинейно – выбрали дорогу, по которой ездят правительственные делегации или возят туристов, потому и

спалились. А я вам на это отвечу: в наших городах существует только два пути от периферии до центра – первый неразрывно связан с Великой Октябрьской социалистической революцией, а второй называется путем дурака. Он идет от шоссе Энтузиастов по улице Наставников, через Ударников и заканчивается Передовиками. Второй пусть безопаснее, но мы, кадровые офицеры, не могли его выбрать по вполне понятным причинам.

Не понимаете? А ведь это элементарно: путь дурака к заветной цели не выведет...

Почему тогда нас распознали?

Скажу честно – не знаю.

Помню только, или так мне казалось, что, пока мы передвигались, вокруг нас не было ни людей, ни транспортных средств. Да и площадь казалась пустынной. Но как только мы шагнули на ее бетонные плиты, началось стремительное преобразование действительности. Громыкнуло и заухало так, будто дала залп зенитно-ракетная батарея. Лохопет и Баулов как по команде упали на землю. Я остался стоять и наверняка бы еще закурил, но я не курил. Со стороны могло показаться, что я, как говорили раньше, бравировал. Но это было не так. Я остался стоять потому, что лечь при зенитном обстреле бессмысленно – если ракеты сделаны от души, от площади не останется живого места. Это в общем, а в частном: стояние, стойкость, устойчивость – весьма полезные положения. Когда ты стоишь, ты однозначно выше всех тех, кто сидит, тем более тех, кто лежит. И не только физически. Когда ты лежишь, это значит, что ты спишь, или ранен, или даже убит, а когда ты стоишь – ты бодрствуешь, бдишь и сто процентов жив. Лежа человек напоминает раздавленного таракана или срубленное бревно. Стоя он похож на ракету, устремленную в небо. В конце концов, стоя ты дальше видишь. Собственно, поэтому я раньше всех понял, что шум издает не зенитная батарея, а музыкальное объединение, состоящее из двух оркестров – симфонического и фольклорного, и одного детского хора...

Симфонический исполнял «Прощание славянки», словно мы не прибыли из похода, а наоборот, уходили в поход. Народный – играл частушки или нечто подобное. Разобрать было сложно, потому что оркестры старались не столько отыграть собственное произведение, сколько помешать противнику исполнить чужое. Детский хор пел «Взвейтесь кострами». Слов я не слышал, но был в этом уверен. Что еще могут исполнять дети для взрослых?

В классическом составе я насчитал двадцать шесть человек, с полным боекомплектom – английской флейтой, контрафаготом, большими и малыми барабанами, короче говоря, со всем, что состоит на вооружении музыкальных взводов в эпоху Моцарта и Сибелиуса. В фольклорном ансамбле число участников определить не удалось, поскольку среди исполнителей были не только люди, но и медведи, прикованные цепями к тяжелым басовым балалайкам. Мальчиков-хористов я насчитал двадцать пять человек. Я вздрагивал всякий раз, когда их истерическое сопрано прорывалось сквозь вымученные басы старших товарищей.

Из собравшихся на площади можно было сформировать бригаду. Все выглядели так, что становилось понятным: они здесь не случайно. Мужчины были одеты в костюмы и галстуки, женщины – в расписные платки и цветастые платья. Дети – в белые рубашки, шорты и краповые береты с кокардами. Выстроенные по росту, они стояли ровными шеренгами и рядами и были организованы либо по профессиональному признаку, например, швейный цех номер пять, либо же по прописке, например, улица Подвойского, дом шестнадцать, корпус один, подъезд номер два.

Как и на фронте, в первой шеренге стояли самые высокие юноши. Высоких ребят ставили впереди, чтобы они принимали на себя первую, самую убойную, дозу картечи, закрывая своими телами мелких. Тем, кто так или иначе знаком с иерархиями управления, известно, что в руководстве высоких нет. Этот трюк применяется издревле, его используют не только люди, но и некоторые человекоподобные звери, как то шимпанзе.

Девушек ставят вперед, когда готовятся к сдаче города или крепости и хотят купить благорасположение противника видом красоты молочной спелости.

Исходя из того, что в передней шеренге девушек было втрое больше, чем молодых людей, я сделал вывод, что город сдавался, хотя и не исключал присутствия тонкой военной хитрости. Девушка, стоящая в центре первой шеренги, на мгновение отвернулась всем телом, а когда повернулась обратно, я увидел в ее руках вышитую салфетку, каравай и графин с мутной жидкостью, скорее всего – спиртным. Увидев еду, Баулов и Лохопет поднялись с земли. Стас с видимым удовольствием выпил две рюмки. Антон отломил огромный кусок каравая, запихнул в рот и проглотил. Кто-то в задних рядах протянул ему тарелку с дымящимся супом.

Будь на месте горожан я, я бы всех нас немедленно расстрелял как членов диверсионно-разведывательной группы, какими мы на самом деле и были. А они... Они встречали нас словно героев-челюскинцев...

По этой причине мне было стыдно и совестно, и не смотрелось горожанам в глаза, но мне некуда было спрятаться от их восторженных глаз, поэтому я просто стоял. Просто стоял. Я не знал, какую из семидесяти заранее заготовленных на случай провала легенд имеет смысл использовать первой. Я перебирал их в своей памяти – и одну за другой отвергал. Одно я знал совершенно определенно: я не имел морального права называть себя собственным именем – Сережей Калюжным...

Как только я подумал об этом, женский голос, сильный и звонкий, сказал:

– Здравствуйте, Сережа! Хорошо, что вы нашлись. Когда вы исчезли, я очень волновалась за вас...

Глава 13. Встреча

Сколько помню себя, я всегда чувствовал, если ко мне подбираются сзади. Меня не успевали ударить, а я уже знал имя, фамилию, звание, рост, возраст и пол нападавшего. Однако сегодня эта моя особенность меня подвела.

– Сережа Калюжный, – повторил голос. – Товарищ полковник!

– Я не полковник, я подполковник, – произнес я с досадой и обернулся, а обернувшись, увидел Настеньку.

То, как она улыбалась: непосредственно, широко и чуть по диагонали – могло осчастливить любого мужчину, но то, как она была одета, создавало непреодолимую на первый и на второй взгляд дистанцию.

Товарищ писатель, вы знаете, как выглядела линия Мажино?

Не важно, молчите. Ее одежда была как глубокоэшелонированная линия обороны: доты, дзоты, брустверы и прочие фортификационные сооружения, лишаящие атакующую сторону какой-либо надежды. Начищенные до блеска яловые сапоги со шпорами и ботфортами. Зеленые кавалеристские рейтузы с золотыми лампасами на бедре. Широкая портупья с круглой латунной пряжкой. Пистолет-пулемет Криворукова в черной кожаной кобуре и адмиральский кортик турецкой стали. Гардероб завершали синий форменный китель и багровая фуражка с заломленным верхом.

Впечатляет, товарищ писатель?

Но это еще не все, поверьте. Главной ударной силой амуниции примы были погоны: две алые полосы вдоль золотого поля с треугольником крупных золотых звезд. Именно этот равнобедренный треугольник делал сию женщину недостижимой для человека моего положения.

– Товарищ полковник Настенька! – выкрикнул я, отчетливо понимая, что мне следует разорвать с ней отношения до их начала. – Разрешите обратиться?

– Сережа, – опять улыбнулась она. – Вы уже ко мне обратились...

– Товарищ полковник, – щелкнул я каблуками – Разрешите идти?

– Куда вы пойдете, Сережа? – Ее брови взлетели, как два стратегических истребителя с авианосца. – Вы же только пришли. Не уходите, Сережа, мы вас так ждали. Если б вы только знали, как мы вас ждали. Если б вы только знали, как вы нам нужны!

– Товарищ полковник Настенька! – выпалил я.

– Коновалова, – уточнила она.

– Это ошибка. Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не полковник, я – подполковник!

– Да станете вы полковником, – рассмеялась она. – После нашей совместной работы.

Ее слова меня обнадежили, но ненадолго, я думал так: «Если меня повысят, значит, ее тоже повысят, и значит, дистанция между нами не сократится, а еще более увеличится».

Так устроена субординация.

– А кем станете вы? – не мог не спросить ее я.

– А кем вы хотите?

Она опять засмеялась.

– Товарищ полковник Настенька...

– Коновалова, – опять уточнила она.

– Товарищ Коновалова, мне больше нравилось, когда вы были как балерина, – сказал я, чувствуя, что щеки наполняются красными кровяными тельцами.

– Как скажете, – кивнула она уже без улыбки. – Но не сейчас. Берите своих друзей и пойдете к президиуму.

– К президиуму? – Я поперхнулся.

Она махнула рукой поверх голов. Отследив траекторию ее жеста, я увидел обтянутую красной тканью трибуну с черной надписью: «Все как один!».

– Вам обязательно нужно выступить. – Настенька толкнула меня локтем в ребро. – Подбодрить людей.

Стараясь сохранять хладнокровие, я плотно сжал губы. Слишком плотно, чем и выдал и себя.

– Вопросы? – строго спросила она, словно я был школьником, а она классной руководительницей.

– Никак нет, – щелкнул я каблуками. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – разрешила она. – Идите за мной.

Прежде чем взойти на трибуну, мы с Настенькой разыскали Баулова и Лохопета. Майор находился в компании девушек и пузатых зеленых бутылок. На его голове красовался сплетенный из ромашек венок, а форменная пилотка перекочевала на голову одной из его собеседниц. Антона, наоборот, окружали зрелые женщины, пожившие и хлебнувшие, которые понимали, что нужно человеку после похода. Я имею в виду еду и одежду. В руках Лохопета виднелась корзина со снедью, на плечи была наброшена кацавейка. Ни тот, ни другой, увидев меня, радостных чувств не выразили и отправились за мной потому, что бежать им сейчас было некуда.

Они шли за мной, я шел за полковником Коноваловой. Толпа расступалась перед ней, как лед перед ледоколом. Когда я сообщил Настеньке, что балериной она мне нравилась больше, я слукавил, мало того – смалодушничал. Военная форма идет женщине больше, чем всякие юбки, кофты, бюстгалтеры, панталоны и шляпки. Военная форма, с одной стороны, скрывает человеческую фигуру, с другой стороны – обнажает ее природу. Только в форме человек становится самим собой, только в форме он является настоящим. Если бы я мог сравняться с ней в звании, у нас все получилось бы по-настоящему. Например, близнецы, лучше – тройня. Их удобнее растить. Если дети здоровые (а у женщины с сердцевидной тригонометрией таза обязаны получиться здоровые), их можно сразу ставить на баланс вооруженных сил. Военные ясли, общеобразовательный детский сад, юнкерское училище, а потом и высшее военное. И детства как не бывало.

Вы не будете со мной спорить, товарищ писатель, если я вам скажу, что детство – бесполезное время, и для самого человека и для общества в целом...

Настенька подвела нас к президиуму. Это был передвижной мобильный президиум типа АМП-72, он монтируется на открытых бортах, и мы остановились четко и слаженно, словно по команде «раз-два». На трибуне стоял человек в бежевом мятом костюме с накладными плечами и тощим кожаным чемоданом, зажатым под мышкой. Невысокого роста, редковолосый и щуплый, с мелкими незапоминающимися чертами лица, то есть один из тех, кто, никак не проявив себя до сорока, к пятидесяти годам становится крупным начальником на гражданке.

– Сережа, – сказала Настенька, – познакомьтесь. Наш научный руководитель – профессор Николай Николаевич Гатов.

– Много слышал о вас, – широко улыбнулся профессор. – Забирайтесь скорее сюда.

Я кивнул и перелез через борт.

– Очень рад, – повторил он, схватив мою руку узкой скользкой ладонью. – Ждем вас. Ждем вас давным-давно. Нам без вас никак. Некоторые даже стали думать, что в центре о нас забыли. Сняли с баланса, осудили и деклассировали. Но надежда все-таки теплилась. Не какая-то религиозная фанатичная, а научная, основанная на серьезных расчетах. Что, не верите? Да вы посмотрите! Посмотрите, как искренне вам рады люди.

И я посмотрел на публику. Гатов говорил правду. Лица людей, а их собралось несколько тысяч мужчин, плюс дети и женщины, светились улыбками. Одни держали шарики и флажки. Другие приплясывали. Третьи пели песни. Четвертые разучивали комплекс утренней физзарядки.

– И ведь никто не предупредил. Никто, – продолжал трясти мою руку Гатов. – В чистом виде сработала интуиция.

– Не понял? – изобразил я Баулова, освобождая ладонь от липких щупальцев Николая Николаевича.

– Научная интуиция, – поправился Гатов вполголоса и тут же обратился к собравшимся, уже через микрофон: – Товарищи!

Люди на площади замолчали, и Гатов продолжил:

– Сейчас перед вами выступит товарищ... – Николай Николаевич поднял брови.

Решив, что Гатов забыл мое имя, я наклонился к его полупрозрачному уху, и в этот момент площадь заговорила стройным тысячеголосым хором.

– Ка-люж-ный, Ка-люж-ный, Ка-люж-ный! – скандировала она.

До сего дня я не нашел определения тому эпизоду: это был полный провал или полный триумф. Но тогда я просто взял микрофон и, многозначительно подумав с минуту, сказал одно слово:

– Товарищи!

Последний слог утонул в гуле аплодисментов.

– Товарищи! – повторил я, когда овации стали спадать. – Спокойней, товарищи. Давайте побережем свои ладони для дела. Я честно скажу, что не знаю, зачем мы здесь собрались и что мы здесь делаем. Но я точно знаю, что мы сделаем все, что от нас будет нужно. Сделаем все как один. Как один! Только вместе, только вместе мы сила! За работу! За работу, товарищи!

Николай Николаевич Гатов что-то говорил мне, глядя на меня снизу вверх, я не мог разобрать его слов, потому что площадь снова забилась в овациях.

– Я хотел сказать вам, товарищ Калюжный, – прокричал он, дыша мне в плечо, когда подобрался поближе, – что никогда в жизни не слышал столь пронзительной речи.

В ответ я пожал плечами, а вам, товарищ писатель, я поясню: в нашем уставе предусмотрен раздел, посвященный ораторскому искусству. Он состоит из двух речей: вступительной – она произносится перед открытием памятников, стартом ракет, запуском двигателей, и заключительной – она произносится по окончании всего. Естественно, я

выучил оба текста. Первый текст озвучил на площади. Второй... а второй так и не произнес. Этот текст на моей памяти не произносился никем.

Глава 14. Завод имени Тупорева

Нас разместили в одноместных номерах гостиницы «Родина-2», просторных и светлых, с хорошим обзором. Расположение окон позволяло вести скрытое наблюдение и выдержать долгую оборону. Люстра, ваза, чеканка с Фиделем, ромбические ковры на стене и полу и особенно мебели – были в точности такие же, как во времена моего детства – в красном уголке воинской части, в которой служил мой отец.

Мебель особенно! Тяжелая и массивная, одному не поднять, будто не деревянная, а гранитная, что ли: платяной шкаф, книжная полка, стол и кровать. Одна прикроватная тумбочка весила, наверное, килограммов шестьдесят. Внутри такой тумбочки выживешь в эпицентре взрыва, а если такую тумбочку положить в шкаф, вы становитесь полностью неуязвимым от всех угроз и опасностей жизни. Сейчас такую не делают. Сейчас все одноразовое, сварганенное наспех, по-быстрому. Один раз переночевал на кровати, один раз на стул сел и привет: соединительные винты раскрутились, лак потрескался, матрац провис, как будто предметы быта разжалованы до звания туалетной бумаги – попользовался и выбросил. А там, товарищ писатель, была мебель так мебель.

Я побрился и надел парадную форму, поскольку скрывать себя смысла не было, затем опустился в кресло, дал себе команду уснуть и уснул. Организованный сон – очень полезная техника. Не нужно ни снотворного, ни будильника, просто смотришь вглубь себя и произносишь со всей строгостью, какую можешь изобразить:

– А ну спать! Всем спать! Быстро!

И добавляешь уже тоном спокойным и даже размеренным:

– Подъем через двадцать минут.

Можно назначить больше, а можно меньше, это зависит от времени, имеющегося в распоряжении.

В общей сложности на подготовку, короткий отдых и сон у меня ушло час тридцать минут.

Баулов справился немного быстрее – когда я вышел из лифта, он уже сидел в вестибюле. Он тоже переоделся, но не в форму, как следовало. На нем были красные расклешенные брюки и двубортный пиджак салатного цвета, из-под мышки небрежно торчала похожая на беременную жабу барсетка. Небритые щеки и горящие нездоровым блеском глаза наводили на мысль, что вместо аутогенной тренировки, положенной для восстановления сил, следовательно распивал спиртные напитки. Я не стал публично ставить это майору на вид, но взял на карандаш, записав в воображаемый блокнот детали эпизода: время, место и физиогномические характеристики подозреваемого в самовольном распитии. Записал и поставил точку, поскольку многоточия, запятые и прочие восклицательные и вопросительные в нашем письме не приветствуются. У нас в ведомстве ценится сухой, лапидарный, фактологический стиль. Читать такой текст, конечно, неинтересно, зато он содержит в себе все необходимые доказательства и улики...

Итак, я поставил точку и огляделся в поисках Лохопета. В огромном фойе гостиницы не нашлось человека, хотя бы отдаленно напоминающего этого несуразного сутулого гражданского типчика.

«Зачем его включили в состав? Зачем?» – подумал я с раздражением и дал команду майору подниматься на этажи.

Мы нашли Антона в номере. От воздействия высококалорийной еды и изысканных комплиментов он спал как дважды убитый, развалившись на чистой широкой кровати прямо в грязной походной одежде.

После злостного игнорирования приказа «подъем!» мы завернули Лохопета в простыню и поставили под ледяной душ. Собственных гражданских вещей в лохопетовском вещмешке не нашлось, и пришлось позаимствовать для Антона костюм коридорного – коричневую двойку с белыми аксельбантами и фиолетовую бескозырку с белым ремешком, крепящимся под подбородком. Потом, много позже, Лохопет скажет мне, что тогда он очень обиделся, посчитав, что мы выставили его человеком второго сорта. А по мне так наоборот: он до нашей встречи являлся никем, а теперь у него появилась хоть какая-то форма, и вместе с ней хоть какое-то положение в жизни.

На сборы Антона ушло еще минут сорок, стало быть, в одиннадцать тридцать мы уже ехали широким, прямым и ровным, как стрела, проспектом Всеобщей Победы в сторону инновационного центра имени генерал-академика Тупорева. Свежевыкрашенные, ровно выстроенные, одинаковые, как солдаты в строю, дома восхищали меня – офицера со стажем и человека в годах. Еще больше домов радовали сердце другие, вроде бы незначительные, но в конечном счете определяющие нашу жизнь бытовые детали: желтые помятые бочки с синей надписью: «Квас», белые тележки с мороженым, жестяные газированные аппараты.

– Город наш, – подтвердил мои ощущения Гатов, – славится не только наукой, но и досугом. Я бы даже сказал, повсеместным досугом. Видите вон там здание, похожее на туру, справа от нас? Это шахматный клуб велосипедистов. Члены клуба играют в шахматы на велотренажерах, чтобы одновременно с лобными долями мозга укреплялись широчайшие мышцы бедра. Следующее здание, похожее на стоящую на торце шайбу, это кружок ораторского дзюдо. В этом клубе проходят интереснейшие дебаты, особенно когда словесные аргументы у оппонентов заканчиваются. А еще почти все наши люди играют «изгиб гитары желтой» на семиструнных гитарах, занимаются чеканкой и выжигают фольклорные сюжеты на разделочных досках. Стыковые дисциплины дают удивительные результаты, у заурядных, на первый взгляд, людей открываются творческие способности...

«Как они сберегли, сохранили все это? Как удержали? Как удержались? Как остались в оттепели, обманув и застой, и распад, и государственно-олигархический капитализм? – думал я, прижав нос к стеклу и чувствуя, как во мне просыпается какое-то детское ликование. – Неужели все возвращается? Неужели весь этот многолетний позор, весь этот кошмар – рыночные отношения, приватизация, оптимизация, ликвидация науки и образования, промышленности и сельского хозяйства – все это было ловушкой? Мы откатывались, пятились, отступали, но мы делали это не от бессилия и не из страха. Мы, как скифы, заманивали в голодную, пустую, дикую степь Александра Македонского, оставляя лишь засыпанные колодцы и сухую обглоданную траву на пути его непобедимых фаланг. Мы, как фельдмаршал Кутузов, сжигали за собой все, что горело, и топили все, что могло утонуть, чтобы обескровить и измотать до поры непобедимые наполеоновские корпуса. И, в конце концов, доведя до изнеможения, до предела, до высшей точки отчаяния себя – восстать птицей Феникс, градом Китежем, яблоней на снегу (не уверен, что последняя фраза не вырвана из контекста какой-то легкомысленной песни), встать, восстать, развернуться и ударить всюю нашей оставшейся мощью по злему врагу. Неужели это то самое место? Метафизический Байконур нашего последнего старта?»

Я уже решил задать эти вопросы вслух, но Гатов опередил меня.

– Приехали, товарищи офицеры, – произнес он, показывая рукой куда-то вперед. – Вот он, Тупоревский центр, знаменитая Тупоревка – наше общее наследие, наше общее детище.

Вы, товарищ писатель, напрасно сейчас барабаните пальцами по клавишам ноутбука – информации о Тупорева в интернете вы не найдете. Да и, скорее всего, в библиотеках. Личность эта, во-первых, глубоко засекречена. Во-вторых, Тупорев – не личность, а собирательный образ, воплощение лучших, зачастую несовместимых

человеческих качеств, навыков и профессий – военный и ученый, космополит и почвенник, первопроходец и фундаменталист.

Здание Тупоревки» напоминало собой гигантский танк. Собственно, это был танк. Функциональная копия танка – «БэПэТэИоПэТу бис 210 дробь 172», выполненная в масштабе четыреста сорок три к одному. То есть в четыреста сорок три раза больше, шире, выше и боеспособней, чем его серийный аналог. Название танка – «Большой противопехотный танк и одновременно противотанковый танк универсальный, бис двести десять дробь сто семьдесят два» – было таким длинным сознательно, чтобы шпионам и диверсантам сложнее было запомнить и еще трудней объяснить, что все это значит. Я и сам иногда путаюсь и не буду вам пересказывать. Скажу только, что внешне он выглядел в точности так, как его полевой оригинал: массивные зеленые гусеницы, похожая на детскую юлу стальная башня, двести сорок три метра гладкоствольная пушка с глушителем. Для наглядности поясню, что в дуло пушки мог заехать рейсовый автобус. И мог вылететь обратно, причем с гиперзвуковым ускорением. Экипаж такого танка составлял не менее тысячи человек. «БэПэТэ» одинаково хорошо было видно с земли, из воды и из воздуха, чтобы жители Земли, обитатели вод и так называемые лица инопланетного происхождения помнили с кем и с чем они имеют дело. Башня танка была стационарной, то есть не вращающейся. Могучее дуло глядело своим черным глазом на запад.

Мысль о западе выудила из моей памяти разговор с генералом, который произошел несколько лет назад накануне испытаний, о деталях которых я вам рассказать не могу.

– Все эти страшилки, Сережа, которые все кому не лень рассказывают про восток, про антисанитарию, нищету, деспотию, бесправие, рабовладение, дикость, коварство и варварство – все это пустяки по сравнению с той угрозой, которая исходит от запада. – В глубокой, возможно, медикаментозной задумчивости вещал генерал Каплунов. – Я сейчас говорю не о военной экспансии.

Я кивнул, хотя, как обычно, не понимал, что он имеет в виду.

– На сегодняшний день, – продолжил Сан Саныч, – человеческо-войсковой ресурс запада практически равен нулю, в армию не хотят идти даже афроамериканцы. Рэп, наркотики и «блейк лайф метр» сделали свое черное дело. Закат Америки не за горами. Но в плане культурной экспансии... их еда, их одежда, их музыка – они победили нас. Даже если еду готовят отечественные повара, музыку исполняют отечественные ансамбли, а одежда и предметы быта прибыли из дружественного Китая – это все равно еда, одежда и музыка запада... Что, Сережа, на это ты можешь мне возразить и сказать?

– Никак нет! Ничего.

– Нет, Сережа, ты давай возражай. У нас с тобой сейчас разговор по душам.

– Никак нет, – повторил я.

– Вот так лучше, – улыбнулся генерал. – Ты, Сережа, можешь мне возразить и сказать, что это всего лишь форма. Что на протяжении нашей истории мы только и занимаемся, что копируем форму, а наше содержание остается таким же, как и сто, и пятьсот лет назад.

– Да, – сказал я.

– А тебе не кажется, что они, действуя постепенно и исподволь, уже подобрались вплотную?

– Не понимаю!

– Вот они завоевали наше тело их буржуазной одеждой, наши уши – их буржуазными звуками, а наш желудок – их буржуазной едой, а теперь берутся за нашу голову! Понимаешь, Сережа, что голова – это наш с тобой последний оплот.

– Они могут присвоить наш мозг? – Я надвинул на лоб фуражку.

– Разумеется!

– Каким образом?

– Через управление мышлением. Они могут посеять в нем зерна рациональности. И тогда, Сережа, от нашей цивилизации, от нашей духовности, от нашего особого, особенного пути не ничего. Да и нас с тобой, Сережа, тоже не станет...

– Мы погибнем?

– Хуже! Это, Сережа, много хуже, чем смерть. Мы с тобой, Сережа, мы все... станем западниками...

Глава 15. Музей недалекого будущего

– А где же полковник Настенька? – спросил я, когда увидел, что Николай Николаевич встречает нас у дверей музея один.

Я понимал, что мой вопрос прозвучал непрофессионально, но мне нравилась эта женщина, и я ничего не мог с собой сделать. И не хотел.

– Полковник Коновалова, – ученый посмотрел на меня, как будто видел впервые, – занята организацией ужина.

– Организацией? – Я попытался скрыть личное недовольство под маской общественного недоумения. – Офицеры младшего ранга отдыхают, разгуливают по музеям, а товарищ полковник готовит ужин. Потом мы поедем и ляжем спать, а товарищ полковник займется помывкой посуды? Профессор, вы не находите, что это сексизм?

Обычно ученые изъясняются сложно и многословно, опасаясь, что в противном случае их не будут считать учеными. Но в этот раз Гатов был предельно короток.

– Не нахожу, – строго ответил он. – В науке, точно так же как в армии, полов не существует. Существуют только уставы, инструкции и протоколы. Сейчас мы руководствуемся инструкцией по VIP-приему.

– Разрешите взять свои слова обратно, товарищ ученый? – попросил я.

– Забирайте.

Николай Николаевич скомандовал не по уставу, у нас говорят «разрешаю», но и вольного «забирайте» от гражданского мне было достаточно, поэтому я ответил, изображая лихую решимость:

– Беру!

– Еще есть вопросы? Тогда начинаем экскурсию. Товарищи офицеры, готовы?

– Он не офицер, – показал я на Лохопета.

– Так точно, – поддакнул Антон. – Можно я не пойду?

– Увы, – улыбнулся научный руководитель. – Вы нужны нам втроем. Только втроем. Даже если один из вас всего лишь вольнонаемный. В нашем центре, да и в городе в целом, ведь город является частью научного центра, все основано на троичной системе. Вы, должно быть, заметили, что наши люди всегда передвигаются по трое: отец, мать и ребенок, рабочий, инженер и пастушка, легковой автомобиль, грузовик и автобус.

– И часы на площади отбивают каждые двадцать минут, – вставил Лохопет.

– Верно, – обрадовался Николай Николаевич. – Наши сутки тоже разделены натрое: работа, сон и досуг. Таким образом мы отделяем себя от людей, живущих в двоичной системе, но делаем это не ради каких-то расистских или социально-видовых штучек. Мы считаем, что троичный цикл запрограммирован нашей самобытной природой, истоком, историей. В ней все троично: три богатыря, три дороги, три желания, три белых розы, три приема пищи. В нашей системе нет места примитивным «ноль» или «один», «да» или «нет», «правда» или «ложь», «быть или не быть», «добро» или «зло». Нашей системе присуще некое третье, некое «кое-что», которое на языке слов лучше всего описывается фразой: «Затрудняюсь ответить». Это самое «затрудняюсь» и превращает нашу науку, нашу историю, наше существование, наш особый путь в черт знает что...

Гатов замолчал, повисла тяжелая пауза. Я видел, что ребята растеряны вводной. Мало того, ученый тоже казался растерянным, словно выболтал лишнее и теперь искал

способ вернуть разлитое молоко обратно в бутылку. В той ситуации самым находчивым оказался майор Баулов.

– Это... – сказал он, почесав подбородок, – чего-то не понял?

– Что вы не поняли? – Губы Гатова дрогнули.

– «Сообразим на троих»?

– Что, на троих?

– Типа тоже из нашей тройственности?

– Конечно! – с облегчением выдохнул Гатов.

– Так, может, пора? – широко раздул ноздри следователь.

– Я бы с радостью, – развел руками ученый. – Но ужин у нас назначен на восемнадцать ноль-ноль или, как у нас говорят: три ю скобка, три плюс три, скобка. А пока всех известных для этой формулы нет, приглашаю вас в музей наших достижений. Обычно музеи посвящаются прошлому, но мы сломали эту традицию. Мы собрали в музее экспонаты, которых в обычном мире сейчас еще нет, но они обязательно появятся в ближайшее время. Вот по этой причине мы назвали нашу, не побоюсь сказать, пинакотеку «Музей недалекого будущего».

– Я что-то не понял? – Баулов был по обыкновению короток.

– Некоторые экспонаты уже начинают действовать, – поправился Николай Николаевич. – Но что мы стоим на пороге? Друзья, пойдемте со мной.

В этот миг на моем запястье прокуковала кукушка.

– Что это? – вздрогнул профессор.

Мне стало неудобно, что я напугал ученого, и я соврал, хотя никогда не вру.

– Лохопет, – объяснил я происхождение звука. – Он, когда волнуется, разговаривает голосами птиц и животных. Редкий и очень сложный невроз.

– Ку-ку, ку-ку, – нашелся Антон.

– А-а-а, – протянул ученый. – Понятно.

И мы рассмеялись. Именно тогда, товарищ писатель, я понял то, зачем Лохопет был прикомандирован к нашей команде, как и то, зачем вообще нужны гражданские.

Когда наш смех затих, Гатов надавил на кнопку звонка.

Дверь дернулась, затряслась и исчезла в щели в полу. Я шагнул вперед, и земля ушла из-под моих ног, а небо, наоборот, оказалось под моими ногами. Я упал от неожиданности, прежде чем понял, что падаю... на потолок. Лохопет и Баулов тоже упали. Гатов сохранил равновесие и остался стоять. Он протянул мне руку, помогая подняться.

– Поначалу все падают, – сказал он и похлопал меня по плечу, – и не один раз, пока привыкают

Мы действительно стояли на потолке. По обе стороны от меня, словно тыквы из грядки, торчали люстры. Над головой нависал начищенный до блеска дубовый паркет и красная полоса ковровой дорожки.

– Антигравитация? – спросил я Николай Николаевича, вспомнив научный термин.

– Не совсем, – сказал он уклончиво. – Пока только модель. Перевернутая модель дома.

– Я не понял? – нахмурился Баулов.

– А вы не философ, – пробормотал Гатов и бросил косой взгляд на следователя.

– Нет, – отрезал майор.

– Ну что вам на это сказать, – пожал плечами ученый и спросил уже у меня: – Позвольте продолжить экскурсию?

– Разрешаю, – согласился я.

– Начнем по порядку, – Николай Николаевич расправил плечи. – Товарищи офицеры, мы находимся в первом зале музея. Тематика зала – преодоление всемирного тяготения. Решения еще нет, но оно не за горами, поверьте. При проектировании макета мы постарались воссоздать в мельчайших деталях антигравитационную атмосферу. Мы с

вами сейчас находимся в том положении, в котором окажется человек, когда он лишится привычной земной поддержки – то есть на потолке.

– Три дэ симуляция? – Баулов ковырнул пальцем побелку на стенке.

– Ну почему же три дэ, – обиделся Гатов. – Все натуральное. Ковер, стулья, белила, паркет. Еще есть вопросы, товарищи офицеры?

– Паркет из чего? – не отставал Баулов, и я догадался, что Стас начал допрос.

Что ж, каждый делает свое дело.

– Дубовый, ГОСТ 145\1973, – без колебаний ответил Николай Николаевич.

– А стулья?

– ГОСТ 202\1932.

– Закреплены надежно?

– На дюбелях, ОСТ 309\1967. Еще есть вопросы?

– Больше вопросов нет. – В голосе Баулова прозвучала досада. – Пока.

– Тогда идемте в следующий зал. В нем, кстати, уже никакой антигравитации нет.

Зал номер три (цифра два в троичной системе отсутствовала) был посвящен точным и высокоточным приборам. Он пустовал.

– Раньше экспозиция была напичкана электроникой. Но с тех пор как мы поняли, – Гатов обвел нас многозначительным взглядом, – что на электронику полагаться нельзя...

– Это вы щас, профессор, про санкции? – оживился Баулов.

– Умная электроника, – Гатов сделал вид, что не услышал вопроса, – интеллект которой превосходит кондиции многих наших коллег, рано или поздно возьмет человека под свой контроль, и тогда...

– Все мы погибнем, – констатировал Лохопет.

– Друг мой, – потрепал его по щеке профессор, – наоборот, мы победим. В этот трудный момент мы сможем переключиться на натуральные биологические приборы.

– Я не понял? – подал голос Баулов.

– Товарищи офицеры, – Гатов посмотрел на меня, затем на Антона. – Друг мой, вы должны уяснить одну очень простую мысль: все, что нам нужно, уже находится в нас. Или в вас, если брать ваш персональный случай.

Если я не ошибся, а я не ошибся, Гатов процитировал выдержку из недавней статьи Каплунова. Она называлась «Время нашей надежды и конец западной цивилизации».

– Все находится в нас, – повторил Николай Николаевич и зашагал прочь быстрым шагом.

Мы последовали за ним и оказались в следующем зале.

– Это... – театральным жестом профессор сбросил плотную накидку с прозрачного, поставленного под сигнализацию шкафа, и мы увидели два прутика ивы, сложенные крест-накрест. – ...наши знаменитые гиперзвуковые биолокаторы. Изобретение нашего выдающегося земляка – академика Зоопаркова.

– Я не понял? – заинтересовался Баулов.

– Да вы правы, товарищ майор, – помог ему Гатов. – Лозоискательство является одной из самых древних и самых дремучих парапсихологических практик. Многие ученые отрицали магические свойства ивовых прутьев, маятников и рамок, а товарищ Зоопарков развеял эти сомнения раз и навсегда. Теперь мы ищем и, заметьте, находим прутьями не только воду, но и полезные ископаемые, забытые и украденные предметы, улики и клады. Поисковая настройка прибора осуществляется голосом. Здесь самое сложное – выбрать правильный тон.

– Правильно я вас понял, профессор, – спросил я, чувствуя, что нить рассуждений Гатова исчезает в тумане терминов, – что вы будете заменять технологии биологией и зоологией?

– Верно! – широко улыбнулся ученый и махнул рукой вправо. – Ближайший к нам зал посвящен палеолиту. Там есть много всего интересного: шкуры медведей, кости

мамонтов, кремниевые ножи, топоры и бусы из камня. Мы изучаем эту эпоху, поскольку есть понимание того, что мы скоро туда вернемся. А значит, нужно готовиться – собирать факты и артефакты, учить матчасть. К сожалению, у нас не так много времени, и этот зал мы, пожалуй, сегодня пропустим. Но впереди у нас нечто, еще более интересное, то, что будет предшествовать новому палеолиту.

– Ядерная война как последнее средство моральной победы? – процитировал я строку из популярной в наших кругах монографии «Доктрина победного самоуничтожения».

Одним из ее разработчиков был генерал Каплунов. В работе рассматривалась ситуация, в которой наша страна, безнадежно отставая по основным направлениям человеческой деятельности, одерживала победу в моральном плане. За победу принималась ситуация, в которой ты проживал хотя бы на секунду дольше, чем враг.

– Мы победим, профессор? – спросил я у Гатова.

– Мы обязательно победим, – отрапортовал он. – И доказательство этому ждет нас в последнем зале музея.

Глава 16. Робототехника

Этот зал не походил на музейный, он выглядел скорее как склад, в котором сыграли свадьбу или произвели обыск. Содержимое зала – это были столы, стулья, ковры, вешалки, чайники, кофеварки, кастрюли, ведра и прочая утварь – валялись на полу или были нагромождены друг на друга. Хрупкие вещи были разбиты, мягкие – выпотрошены. На всех без исключения лежал толстый слой пыли.

Мы с ребятами переглянулись. У Баулова задергалась бровь. Это был не тик, как должно было показаться стороннему наблюдателю, это был язык мимики, самый древний из языков.

«Здесь что-то не так, – предупреждал меня Стас. – Арестовать его?»

В ответ я два раза коснулся мочки левого уха и почесал подбородок, что означало: «Только по команде, майор».

Наше перемигивание не ускользнуло от внимательного ученого. Николай Николаевич широко развел руки, словно пытаясь сгрести разбросанные по залу предметы в одну огромную кучу.

– Понимаю ваше недоумение, товарищи офицеры, – сказал он, пристально глядя на нас. – Но хочу вам напомнить, что рядом высших должностных лиц перед нами была поставлена задача создания собственной, ни от кого не зависимой и ни на что не похожей альтернативной науки. Подручными средствами и имеющимися в нашем распоряжении головами. И мы эту задачу решаем. Через не хочу, не могу, невозможно, так быть не может. Руководствуясь только приказом «надо». Этот зал – результат многолетней и кропотливой работы и предмет нашей гордости. Каждый предмет, замечу. Каждый! Взять хотя бы этот вот стул.

Гатов поднял с пола венский стул с отломленным подлокотником, стер с сиденья пыль носовым платком и уселся, сложив на груди руки:

– Каждый предмет здесь не просто предмет, а робот. Биоробот, если точнее.

– Этот стул? – спросил я.

– Робот-стул, – поправил меня ученый. – Биостул.

– Он что, обладает искусственным интеллектом?

– В какой-то степени.

– И что же он может делать?

– Полковник! – Гатов дотронулся пальцем до лба (ученые часто трогают лоб, перед тем как сказать что-то умное). – Этот стул может многое. Он может быть транспортным средством, летальным оружием, топливным ингредиентом, низкокалорийной едой, а

может быть надежным партнером, товарищем, другом и, в конце концов, служить непосредственно стулом. Как, например, сейчас. Каждый предмет в этом зале способен стать тем, что мы в него зашьем, что запишем.

– То есть для этого стула предусмотрено программное обеспечение?

– Без обеспечения в наше время нельзя, – пожал плечами профессор.

– Вы все-таки используете импорт? – расстроился я. – Все эти недружественные макро- и микросхемы, майкро- и микрософты, завезенные контрабандой через Китай?

– Под обеспечением я имел в виду господдержку, – развеял мои опасения Гатов. – А импорта у нас нет, мы никак не сообщаемся с внешним миром. Мы самодостаточны и самобытны, как когда-то были самодостаточными Перун, Макошь и прочие лидеры общественного мнения первой энергетической сверхдержавы. Все, что нам нужно, дают нам матушка-природа, тайные знания пращуров и лучшие представители нашей страны. Мы всего лишь едва корректируем их, пишем новые биопрограммы.

– На чем же тогда вы пишете свои программы? – спросил я. – На бересте?

– Зачем портить лес? – Гатов состроил презрительную гримасу, словно мы заставляли его произносить такие вещи, которые должны были знать с пятого класса. – Мы пишем на воде. Общеизвестно, что существует два типа воды: живая и мертвая.

От слов профессора Лохопет попятился к выходу, а Баулов громко заржал. И оттого, как смеялся майор – а майор ржал как мерин, – я догадался, что разговор приобретает серьезную форму.

– Мертвая вода – это яд? – спросил я.

– Яд в чистом виде, в сухом остатке, – кивнул ученый. – Мы, однако, стараемся не использовать это слово, какое-то оно вульгарное, ненаучное, что ли. Мертвая вода применяется в качестве антидота к живой. И наоборот тоже можно. Строго говоря, живая вода тоже может быть ядом. Это зависит от целей и намерений пользователя.

– Ничего не понимаю, – честно признался я.

– Мы, ученые, тоже пока понимаем немного. Мы находимся на стадии проверки научных гипотез нашей биопрограммы.

– Хорошо. А где вы берете воду? Не используете случай неприкосновенный запас?

– Из открытых источников, – успокоил меня Николай Николаевич. – Водоемы, большие лужи, батареи центрального отопления, конденсат. Потом фильтруем, настаиваем в титановых чанах, кодируем и разливаем в спецтару.

– Что значит «кодируете»?

– Пишем на воде различные формулы, например C_2H_5OH , и тем самым придаем воде необходимые свойства.

– Ну, а дальше? – поторопил ученого я.

– Собираем комиссию, выбираем объект, который должен стать биороботом, и его окропляем.

– Сколько раз? – встрял в разговор Лохопет.

– В основном трижды, – терпеливо пояснил профессор. – Или больше, если мы имеем дело с крупногабаритным предметом, таким, как например танк. Что касается биообъектов, им вода вводится внутрь – перорально или втирается в больные места. Что вы смотрите на меня, товарищи офицеры? Мы с вами живем в беспокойное время. Противостояние цивилизаций достигло экстремума. Вопрос, который все мы решаем, вне зависимости от уровня интеллекта и рода деятельности, это только один вопрос: «Мы или они?».

– А потом что? Что происходит потом? Отвечайте! – Мне становилось тревожно от того, что я слышал.

Гатов, в отличие от меня, был абсолютно спокоен, как профессор на лекции. Собственно, он ведь и был профессор.

– Вода впитывается предметом, растворенная в воде биопрограмма начинает действовать. Испытуемый предмет оживает в биологическом смысле и становится умной вещью. Государственная программа, под эгидой которой мы проводим исследования, так и называется: «Умные вещи». Эти вещи будут помогать нам в быту, на работе и на войне.

– Будучи испытателем, товарищ профессор, – сказал я, с трудом преодолевая волнение, – я привык доверяться ученым. Но сейчас мне трудно поверить в то, что вы говорите. Вы тут разводите...

Я замолчал, подбирая подходящее слово.

– Мракобесие, – произнес за меня Лохопет.

В словах Антона мне почудилась непонятная радость.

– Это и есть мракобесие, – в свою очередь обрадовался профессор. – Но не то, профанное, которое исповедуют астрологи и гадалки, а строго научное, исходящее от людей, имеющих ученые звания, степени и награды.

– Но, – сказал я и осекся.

– Ну, а что вы хотите на выходе? – пожал плечами профессор. – От путей, предложенных западной мыслью, мы отказались. От восточных духовных практик мы открестились. Ничего не осталось, приходится держаться корней. К счастью, нам достался солидный багаж метаданных.

– Каких же?

– Сказки, былины, предания, – принялся загибать пальцы Гатов. – Пословицы, прибаутки, частушки, обценная лексика...

– Обценная? – переспросил я и нахмурился.

По роду деятельности я довольно часто общался с учеными, а потому знал, что представители мира науки нередко являются сумасшедшими. Психические отклонения помогают ученым не думать о том, о чем думают все нормальные люди – о женщинах, о подвиге, о еде, а наоборот – думать о том, что никому больше не интересно. Скорее всего, мы так бы и бегали стаями по пампасам и ели бананы, если б не сумасшедшие. А с другой стороны, я знал, что сумасшедшим не место среди здоровых людей.

– Профессор, – сказал я.

Гатов встал настолько стремительно, что уронил стул, на котором сидел.

– Товарищи офицеры! – воскликнул он, закрываясь руками. – Глядя на ваши лица, я понимаю, что вы приняли решение задержать меня за порчу государственного имущества и нецелевое использование государственных средств.

– Николай Николаевич, – объяснил я профессору, – в своей деятельности мы обязаны использовать все полномочия, которыми наделены. И хотя мне не хочется этого делать...

– Да хочется, хочется, – зажмурился ученый.

И напрасно: мы с майором восприняли его мимику как команду и пошли брать профессора. Мы работали по учебнику: Баулов заходил справа, я – слева. Гатов пятился и что-то невнятно шептал. Вероятно, он просил предоставить возможность явиться с повинной. Но в своем раскаянии он опоздал.

Когда спина Гатова коснулась стены, ученый принялся шарить себя по карманам.

– Я хотел представить доказательства завтра. На официальном мероприятии... – говорил он. – В рамках научной программы... но могу доказать и сейчас.

Профессор был в наших железных тисках, и нам оставалось всего-то надеть на него наручники, но Баулов вдруг зачесался. Он скоблил одновременно левое колено и правое ухо и делал это так неестественно, что я принял зуд его тела за знак. Пытаясь уловить смысл послания, я прекратил все движения. Воспользовавшись паузой, Гатов извлек из пиджака мензурку, заткнутую резиновой пробкой.

– Как говорят у нас, встретимся на том берегу! – сказал он, откусил пробку и сделал большой и жадный глоток.

Его тело изогнулось в подкову, затем вытянулось в струну... и застыло. Ученый утратил свой профессорский лоск и сделался похожим на заснувшего часового.

– Отставить, Николай Николаевич, – приказал я. – Отставить и доложить оперативную обстановку.

Профессор молчал.

– Пульс не прощупывается, – диагностировал Лохопет, потрогав запястье ученого.
– Он умер?

– Отставить! – ответил я. – Еще есть гипотезы?

– На понт нас берет. – Баулов наклонился к ученому, и сказал страшным голосом: – А если по почкам, профессор?

В этот момент в зал вошла Настенька. На ней был белый передник, белый поварской колпачок и чулки в рыбацкую сетку.

– Что у вас здесь происходит? – спросила она, как будто не замечая тело профессора Гатова, распластанное на полу.

– Убийство! – объяснил Лохопет.

– Самоубийство, – добавил Баулов.

– Несчастный случай, – уточнил я. – Нам нужно предать тело земле.

– Не нужно, – мотнула головой Настенька. – Он здоровее нас всех, несмотря на ученую внешность. Он что-нибудь пил, перед тем как упасть?

– Вот из этой мензурки, – показал на склянку Лохопет.

– Эта жидкость, – засмеялась Настенька, – носит название «мертвая вода профессора Гатова». Вызывает легкий летаргический сон. Николай Николаевич личность творческая, любит шокировать публику, особенно на закрытых экскурсиях. Через пятнадцать минут он проснется. В добром настроении и самочувствии. Товарищи офицеры, еще есть вопросы?

Ребята молчали, переваривая услышанное.

– А у вас? – обратилась она ко мне.

– У меня? – переспросил я.

Ее большие глаза светились изнутри так, как светится океан, когда из его глубин всплывает атомная подводная лодка.

– Товарищ полковник Настенька, – пробормотал я и замолчал.

– Продолжайте, Сережа!

– А почему? – начал я и опять замолчал, потому что забыл, где я и кто я...

– Говорите, говорите, Сережа, – улыбнулась она.

– Почему, – спросил я, – вы делаете ставку не на людей, а на биороботов?

Конечно, я сказал совсем не то, что мне хотелось сказать. Мне хотелось признаться Коноваловой в любви. Но я не имел права говорить о любви в присутствии двух подчиненных и одного профессора в коме.

– Вы точно хотели сказать именно это, Сережа?

Я кивнул.

– Хорошо. Биороботы не ругаются матом, не пьют, не ходят налево. С биороботами все просто: ты даешь команду, они выполняют, моют посуду или ходят с женой на оперу. В жизни с биороботом плохо одно: человечество перестает размножаться и умирает.

Я посмотрел на Баулова, потом на Лохопета. Глаза обоих были размером с блюдца, словно они тоже хлебнули мертвой воды.

– Но мы же не выберем такой путь? – спросил я полковника Коновалову.

– Нет, конечно, – успокоила она нас. – Вымирание – это путь запада. Рано или поздно они все-таки вымрут.

– Ну а мы? – спросил я одними губами.

– Мы останемся. Нас ждет торжественный ужин.

Глава 17. Бал-маскарад

– Банкет в ресторане? – расстроился я.
– Вы не любите рестораны, Сережа? – удивилась Настенька.
– Нет, – сказал я.
– А куда бы вы хотели пойти?
– На балет, – сказал я и покраснел.
– Хорошо, – без колебаний сказала она и махнула рукой профессору Гатову. – Николай Николаевич, банкет отменяется. Мы идем в театр на спектакль.

Театр оперы и балета города Н находился рядом. Буквально за дверью, из которой вышла полковник Настенька и в которую теперь зашли мы. Гигантский прямоугольный ангар со сценой и зрительским залом без кресел. На сцене стояли: бюст Ленина, покрытый алой скатертью стол и пятеро официантов, одетых в костюм Лохопета.

– Товарищи офицеры, прошу! – Гатов глядел на нас, в то время как его руки и корпус подались в сторону сцены. – Большое искусство в компании пустого желудка выглядит мелким. По этой причине и предлагаю всем нам подкрепиться. У нас не Мишлен. Все натуральное: и продукты, и люди.

Он выглядел посвежевшим и бодрым и, кажется, даже не помнил, что полчаса назад выпил «мертвую воду».

– Почему мы будем на сцене? – спросил я Николай Николаевича. – Мы не артисты.

– В нашем городе артистов объективно больше, чем зрителей, – объяснил Гатов. – Нашим артистам на сцене банально не хватает места. Я уже говорил вам, что все наши люди на досуге занимаются творчеством – поют и танцуют, пишут стихи, играют в театре. У нас самая большая музыкальная труппа на евразийском пространстве. Если бы вы слышали, какие оперы мы играем...

– Никогда не понимал оперы, – сказал я, усаживаясь за стол. – Какой смысл напрягать связки и легкие, тужиться, вытягивать ноты, если те же самые слова можно произнести обычным человеческим голосом? А вот балет я люблю.

– Для вас и будет балет, товарищ полковник. – Гатов протянул мне салфетку.

Засовывая салфетку за шиворот, я оглядел обеденный стол. Такое изобилие пищи и жидкости я видел только в кинофильме Леонида Гайдая о царе Иоанне Грозном. На этом столе было все, что летало, скакало и ползало, впрочем, недостаточно быстро.

– Профессор, как вам удалось так оперативно поставить нас на довольствие? – спросил я ученого.

– Все она, – небрежно ответил он, подвинув соседний стул. – У нее везде связи, в том числе и в столовой.

Я повернул шею в сторону полковника Коноваловой, она отвернулась, а мне так хотелось поймать ее взгляд. Мне хотелось, чтобы она смотрела на меня, как в музее, – как атомная субмарина из глубин океана. Она смотрела на меня, а я тонул в ее бездонных глазах...

– Товарищи офицеры... – Голос профессора прозвучал как брошенный в воду спасательный круг.

Благодаря ему я вынырнул на поверхность.

– Товарищи офицеры! – Гатов сделал кивок в сторону Лохопета. – Мой друг! Я бы хотел сказать тост. Но! Времена нынче такие, что вероятный противник может даже из тоста узнать о наших намерениях, а намерения наши, поверьте, серьезные. Поэтому, товарищи, давайте выпьем без тоста. Выпьем, и все!

Мы подняли бокалы и чокнулись. Профессор с Настенькой сделали по небольшому глотку, Баулов опустошил целый фужер и отполировал его водкой, я и Антон поставили нетронутые бокалы на стол и принялись за кушанья. Как только я начал есть, я перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг, я ел очень медленно, сосредоточенно и

очень настойчиво, задача профессионала во время еды – концентрация на пережевывании, что гарантирует максимальное усвоение потребленных калорий.

На двадцатой минуте я понял, что мой бак наполнен едой под пробку и отодвинул тарелку.

– Сережа, о чем вы так напряженно думали все это время? – спросила Настенька.

– О пищеварении, – ответил я.

– Вы любите есть?

– Совсем нет. – Я опять залюбовался ее глазами и голосом. – Я бы совсем не ел, если бы можно было не есть. Но пища дает нам жизненную энергию.

– А как же любовь? – спросила она.

– Любовь? – переспросил я, и сердце мое забилося со скоростью двести ударов в минуту, как при три джи перегрузке.

– Да-да, – зашебетала она. – Например, любовь к родине, любовь к науке.

– Науку люблю, – сказал я, сбиваясь на каждом слове. – Я очень люблю науку.

– Я рада, что мы с вами похожи в этом аспекте, Сережа. Я вижу какое сильное впечатление произвел на вас наш музей – вы как будто бы не в себе. А вы ведь еще не видели наших ноу-хау.

– Как? – переспросил я, не в силах оторвать от нее взгляд.

– Именно так, – подтвердила она. – Наши агротехники вывели замечательный мультиплод – помесь помидора с картофелем. Сверху красная ягода, снизу съедобный клубень, сочные зеленые листья. Этот овощ можно есть в сыром виде и целиком, а можно прикладывать ко лбу, если болит голова.

Полковник Коновалова описывала корнеплод, но мне, казалось, что она дает описание себя.

– Рассказывайте, товарищ полковник, – попросил я. – Не умолкайте.

– Еще, – полковник Коновалова расстегнула пуговицу на форменной блузке, – у нас есть собака с плавниками и жабрами. Мы учим ее плавать в жидком азоте, поскольку мы готовимся к существованию в безвоздушном пространстве, ведь рано или поздно мы все там окажемся. Еще у нас есть гиперзвуковой пылесос, работающий на навозе, усовершенствованный пистолет-пулемет Криворукова и...

– Господа офицеры, друзья, – перебил Настеньку Николай Николаевич. – Я вижу, все перекусили, все сыты. И можно предаться культуре. Без культуры мы люди только отчасти. А скорей, только отчасти мы люди. Дорогие друзья, наша музыкальная труппа подготовила театрализованную бал-маскарад-мистерию «Сарай в столице». Изначально она называлась «Барак в пустыне», но мы сменили название, чтобы англосаксы не подали на нас в суд. Все, что вы сегодня увидите и услышите: музыку, костюмы, либретто – сотворили жители нашего города, простые рабочие, крестьяне, ученые и военные. Давайте поприветствуем наших артистов!

Гатов заплодировал. Мы с ребятами тоже захлопали, а Настенька вышла.

– Полковник Коновалова? – спросил я профессора с плохо скрываемым беспокойством.

– Скоро придет, – кивнул он – Без нее нам нельзя.

Зрительский зал заполнился целиком, и, судя по тому, с каким трудом билетеры затворили ведущие в партер двери, значительное количество артистов осталось снаружи. А те, кому удалось попасть в зал (мужчины и женщины в свежестырированных рабочих одеждах), поклонились и начали танцевать. Они двигались синхронно и в такт, но каждый при этом совершал свое персональное действие. Один закручивал воображаемый болт. Другой вращал руль воображаемого троллейбуса. Третий стоял на посту, охраняя покой двух других. Женщины водили по кругу детей, одетых в пионерские галстуки, шорты и гольфы. Судя по хмурым выражениям лиц, это были не настоящие дети, а маленькие мужчины, которых ввиду низкого роста не взяли на роли рабочих.

– Впечатляет? – шепнул профессор.

– Мне пока не очень понятно происходящее, – честно признался я. – Может быть, у вас есть либретто.

– А хотите, я расскажу вам краткое содержание? – Гатов подвинулся ближе.

– Давайте.

– Недалекое будущее. Наши ученые завершают последние приготовления перед вводом в эксплуатацию биомикропроцессора, задачей которого является тотальное уничтожение всех существующих микропроцессоров и освобождение планеты Земля от господства искусственного и естественного интеллектов. Люди возвращаются к натуральному хозяйству и тяжелому физическому труду, причем делают они это не для производства прибавочной стоимости, не ради результата труда, а ради процесса преодоления трудностей. Понимаете?

– Понимаю.

– Капиталистический мир смотрит на наш прогресс с плохо нескрываемой завистью и засылает шпиона.

– Барака? – меня осенила догадка.

– Сарая, – поправил меня ученый. – Полковник, пока мы не взяли реванш, мы должны соблюдать ряд условностей, как-то: политкорректность, БЛМ и заботу об экологии.

– Диверсант находится в зале? – перебил я.

– Смотрите – и все скоро узнаете.

Я расфокусировал взгляд, чтобы увеличить угол обзора, и всмотрелся в зрительный зал. На первых порах все персонажи казались мне одинаковыми, словно вырезанными по трафарету – синие комбинезоны, красные галстуки, серые лица... и вдруг вдалеке мелькнуло коричневое пятно.

– Негр! – закричал я, указывая пальцем в толпу. – Сарай!

К сожалению, артисты не услышали моего предупреждения и продолжили исполнять свои па. Между тем в руках у негра появилась бутылка с дезинсекторным распылителем, и Сарай принялся опрыскивать жидкостью из бутылки всех, кто оказывался с ним рядом. Орошенный рабочий останавливал танец и падал.

– Держите его! – закричал я, сложив ладони рупором.

– Спокойней, – шептал Николай Николаевич. – Это не настоящая провокация. Это ее постановка. Расслабьтесь, выпейте водки.

– Не пью, – с раздражением сказал я. – Чем он их травит?

– Мертвой водой. Да вы не волнуйтесь, полковник, во втором отделении появится некий ученый. – Гатов повысил голос. – Он не только раскроет формулу мертвой воды, но и изобретет антидот – воду живую, и все те, кто сейчас лежат на полу, вернутся в трудовой строй. Их работоспособность лишь возрастет. Что касается негра, то его почистят, отмоют, и он тоже станет нормальным.

– Балет посвящается вам? – спросил я, глядя на раздувшиеся щеки профессора.

– Балет посвящается всем нам, Сережа. – Эту фразу сказала Настенька.

Я вздрогнул. Пока мы с разговаривали с ученым, Коновалова сделала свои дела и вернулась, и теперь сидела рядом со мной. Она опять переоделась. На ней было черное вечернее платье без рукавов и коричневая портупея с тяжелой кобурой, в которой, судя по размерам, мог поместиться не только пистолет-пулемет Криворукова, но и ребенок грудного возраста.

– Нам? – повторил за ней я и посмотрел на Николай Николаевича.

– Все-все-все, краткое содержание я вам рассказал, дальше думайте сами, – уклонился от ответа Гатов.

– Товарищ полковник, – обратился я к Настеньке, – я хочу уточнить, что значит «нам»? Вы что, знали, что мы с Бауловым и Лохопетом прибудем в ваш город?

– «Нам» в том смысле, что всем нашим людям, – объяснила она. – Как ширнармассам, так и отдельным личностям: Гатову и Сараю, Баулову и Лохопету, мне и вам. Мы ведь с вами, Сережа, не просто живем...

– Живем? – повторил за ней я.

– Мы пишем историю...

– Историю?

– Милый Сережа, – сказала она, и я почувствовал, что ее ладонь легла на мою. – Иногда мне начинает казаться, что я разговариваю с попугаем.

– Попугаем? – переспросил я.

– Ну все, хватит, вставайте, – потянула она меня. – Я люблю балет, и вы его любите. Не отнекивайтесь, я знаю. Вы танцуете, и я тоже танцую. В конце концов, я старше вас по званию. Я приглашаю вас на белый танец.

В мои пятки словно вонзилась сотня иголок, лоб покрылся испариной, ноги не слушались, но отказываться от приказа было нельзя. Превозмогая себя, я встал, подхватил Коновалову под руку, и мы закружились в танце. Я повел ее по своим любимым местам: *Assemblé, Emboîté, En tournant*. Если бы вы знали, что я чувствовал в тот миг, товарищ писатель. О-ля-ля. О-ля-ля. Все вокруг: рабочие и колхозницы, дети, ученые, негр Сарай, перестали существовать. Во всем мире остались только Настенька, музыка и Сережа.

Я не знаю, сколько времени длился наш танец. Мы остановились только тогда, когда звуки музыки утонули в реве оваций.

– Bravo! Брависсимо! – кричала толпа.

Мы раскланялись. Я не выпускал Настеньку из своих рук, она – не выпускала меня.

– Ах, Сережа! – закричала мне в ухо она. – Я ведь чувствую, вы хотите мне что-то сказать. Вы хотите?

– Хочу.

– Говорите. Ну, говорите! Потом может быть поздно!

Я уже рассказывал вам, товарищ писатель, что был женат дважды. Были просто романы, так сказать, на стороне. Я испытатель и летчик, в каком-то смысле и космонавт. Люди этих профессий нравятся женщинам. Но ни одной женщине я не признавался в любви. Никогда. Не было необходимости, да и желания не было. А в музее я почувствовал нечто: я хотел петь и говорить стихами, очень хотел. Я ведь и Тютчева знаю, и Грибоедова – не пустые были люди, отважные офицеры. Но в тот момент в голове крутился гражданский Маршак. «Пробирается медведь сквозь сухой валежник, стали птицы песни петь и расцвел подснежник...» Неплохие стихи, но не подходили моменту. Избавляя ум от стихов, я вспотел и начал краснеть. Еще немного, думал я, и мое лицо покроется подростковыми прыщами-хотимчиками. Впрочем, наверное, все нормальные мужчины при виде Настеньки испытывали подобные ощущения...

– Вы меня слушаете, Сережа? Вы меня слышите? Сережа, скажите мне все. Как оно есть...

И я признался.

– Товарищ полковник Коновалова... – Я не мог больше скрывать от нее военную тайну. – Я прибыл в ваш город в составе диверсионной команды. Нам было поручено предотвратить заговор, который готовится для смены политического строя страны. Исходя из собранных оперативных данных, вы можете являться одним из организаторов...

Лицо Настеньки исказила нервная судорога, глаза потемнели, словно в них брызнули тушью.

– Ах, Сережа-Сережа, а ведь я полюбила.

– Кого? – вырвалось из меня.

– Кого?

Ее кисть легла на кобуру.

Я решил, что она застрелит меня, но вместо пистолета Коновалова вытащила из кобуры батистовый носовой платок и промокнула им губы.

– Того, кого сейчас поцелую.

Ее руки обхватили меня, а губы раскрылись, как створки ракетной шахты.

В это время на сцену стал опускаться занавес.

Последним, что я запомнил, была надпись: «Обама – чмо» – на занавесе.

Глава 18. В плену

Когда я проснулся, было темно. Я всегда просыпаюсь, когда темно, потому что я встаю рано, за пятнадцать минут до первого петуха. Ну, что вы на меня так смотрите, товарищ писатель, я же птицу имею в виду. А тогда было темно по-особенному, и пахло хлоркой и ржавым железом, и затхлостью. Этот запах в нашей стране знают все, даже грудные дети. Они впитывают этот запах с молоком матери. Это запах тюремной камеры. Рано или поздно садятся все: и ученые, и колхозники, и артисты, и сварщики, и предатели, и разведчики, и рядовые, и генералы, и герои, и негодяи. И тюремщики тоже садятся. То есть в этом смысле у нас полное равноправие: можно быть женщиной, стариком, инвалидом или ребенком. Можно заниматься всем, чем угодно, делать это хорошо или делать это плохо или же не делать ничего вовсе, но однажды на прогулке рядышком с тобой затормозит микроавтобус с черными стеклами, и крепкие улыбчивые ребята, типа тех которые в цирке загибают и разгибают подковы, вежливо попросят тебя зайти внутрь.

В моем случае я сделал дело плохо. Я провалил задание. Вне зависимости от того, кто отдавал приказ о задержании – свои или чужие – меня ждал трибунал. Для своих я был изменником, для чужих – шпионом. В том и в другом случае вступала в силу высшая мера наказания, что, в общем-то, было гуманно, если брать в расчет условия содержания в тех местах, где исправление производится путем наказания.

Не могу сказать, что мне было страшно, я ведь думал и чувствовал не сам по себе. После высших курсов испытателей я думал и жил по «Уставу испытателей», семнадцатый пункт которого требовал от нас продолжать оставаться испытателями не только во время непосредственных испытаний, но и вне их, в каждый миг нашей личной и общественной жизни. Руководствуясь уставом, я как бы перестал жить внутри себя, а в основном наблюдал за собой со стороны, то разглядывая через лупу, то рассматривая в телескоп. Я был то темной планетой, то солнцем, то кишечной палочкой, то донным эпибентосом – все зависело от прибора, которым я в тот момент пользовался. А сейчас мои внутренние приборы молчали. И я не видел себя, то есть видел себя буквально, как человека, лежащего на нижнем ярусе койки, внутри тесной тюремной камеры, которая находилась на первом этаже кирпичного дома, помещенного внутрь гигантского танка, установленного в центре города, окруженного смешанным лесом, произрастающим на голубой круглой планете, летящей в черной пустоте в неизвестность. Часы на руке молчали, звонить в ЦУП казалось делом бессмысленным. Задача не имела решения. Почти. Еще один шанс у меня оставался, и он был спрятан в ботинке под стелькой. Это было письмо генерала.

– Откроешь его, когда ситуация станет безвыходной, – сказал он, вручив мне конверт.

Я понял, что это время пришло, и откусил сургуч.

Письмо начиналось словами: «Ну, здравствуй, Сережа!».

Других слов разобрать я не смог. Хотя текст был написан нашей русской кириллицей, с арийской пунктуацией и элементами рун, я не понял ни единого слова. Вам, товарищ писатель, конечно, известны базовые правила шифрования, но я все равно поясню. Вдруг вашу книгу все же станут читать. Существует обычное шифрование – подразумевающее некий массив символов и ключ для их дешифровки, есть двойное, когда

ключ есть у двух человек и расшифровка возможна, только если эти двое окажутся вместе. Но самой надежной считается система абсолютного шифрования, когда шифровальщик использует шифр, который знает только он сам и больше никто, и забывает ключи сразу же после составления информogramмы. Как вы понимаете, дешифровать такой текст невозможно ни при каких обстоятельствах, что вовсе не означает, что теперь его можно просто так отдать в лапы врагу. Письмо следовало незамедлительно уничтожить, что я и сделал, запихнув листок в рот.

Я успел вовремя – гулко лягнул засов, и меня ослепило ворвавшимся в камеру светом. В проеме двери возник силуэт тюремщика.

– Калюжный, с вещами на выход!

В комнате для допросов (я узнал ее по тусклой лампе без абажура и накрытому кумачовым сукном столу) меня поджидали двое: профессор Гатов и полковник Коновалова, оба сегодня были в форме внутренних войск и погонах полковника. Профессор занимал левый фланг, Настенька – правый, между ними стоял еще один стул. Отчего я сделал вывод, что в таблице рангов Настенька старше Николай Николаевича, и что в их команде есть старший и этот старший скоро прибывает.

Пока я размышлял, конвойные ввели в допросную человека. На нем был измятый и грязный белый костюм, шею украшал розовый бант, тоже мятый и грязный. Под глазом расплылся чернильный синяк, на лбу на месте кокарды алела шишка. Я узнал в человеке Баулова, однако не подал вида. Он тоже.

– Садитесь! – приказала нам с Бауловым Настенька, указывая на два стоящих перед столом табурета.

Мы сели. Конвойные примотали нас скотчем к сиденьям и вышли. Во время обмотки я старался сидеть неподвижно, словно не чувствовал унижения, Баулов пытался вывернуться, но безуспешно.

Ножки у табуретов были шаткие, чтобы подозреваемым было неудобно сидеть, и короткие, чтобы подозреваемые чувствовали себя заведомо ниже допрашиваемых.

– Подозреваемый, вы знаете этого человека? – спросила у Баулова Настенька, сделав кивок в мою сторону.

– Впервые вижу! – заявил он, бросив на меня многозначительный взгляд.

– Вы хорошо подумали?

– Я, гражданин следователь, не привык думать вообще.

– Но вы же пили с ним вчера в ресторане театра!

– Вчера я много где пил. Много с кем.

– А вы, – спросила Коновалова у меня, тыча пальцем в майора. – Вы узнаете этого человека?

– Никак нет. – Я старался смотреть сквозь нее, как будто бы ее никогда не было.

– Может быть, встречали когда-нибудь, видели где-то?

– Если бы встретил, – я посмотрел на наручники и сжал кулаки, – задушил бы этими своими руками.

Мое поведение со стороны выглядело несколько театрально, но я действовал по инструкции, разработанной специалистами ведомства в ситуации очной ставки.

– Вы, господа пока еще офицеры, – вступил в беседу профессор. – Слово в слово читаете нам диалог из одного советского кинофильма. «Ночь на баркасе “Тревожный”», если не ошибаюсь...

– Подожди, Коля! – перебила Гатова Настенька и опять обратилась ко мне: – И меня не узнаешь тоже?

– Нет.

После этого ответа на меня навалилась чудовищная усталость, будто я не языком шевельнул, а разгрузил вагон угля.

Ведь любимым женщинам я не врал никогда.

– Значит, не узнаешь? Значит, не помнишь? Какая же ты все-таки сволочь, Сережа!
– полковник Коновалова выскочила из-за стола и бросилась в мою сторону.

Это была не пощечина, какую дают вялые малокровные женщины в спектаклях Островского. Это был хук. Профессиональный боксерский удар со средней дистанции, в который была вложена вся масса тела. И в нокауте я не оказался лишь потому, что успел закрыться плечом. А вот от прямого в нос, бокового по печени и крюка в подбородок я увернуться не смог. Все вокруг завертелось и закружилось, из глаз брызнули слезы. Это были сложные слезы, в них смешались печаль и радость, боль и наслаждение, надежда и вера.

– Помню, – прошептал я, облизывая кровоточащие губы.

– Уже лучше, – выдохнула Коновалова. – Что помнишь? Пошлости помнишь?

– Каждую минуту с тобой, каждое дыхание, каждое слово.

– Значит, гражданин Калюжный, вы готовы оказать помощь следствию?

– Готов.

– Хорошо. – Настенька подула на покрасневшие костяшки пальцев и неторопливо вернулась за стол.

Как же она была сейчас хороша! Как никогда.

– А меня помнишь, Сережа? – раздался знакомый голос.

Я обернулся...

Глава 19. Все встает на свои места

Я обернулся и увидел генерала Каплунова. Как обычно, вне кабинета Сан Саныч предпочитал форме штатское. Остроносые блестящие туфли, отутюженные спортивные штаны и жилетка с многочисленными накладными карманами придавали ему сходство с военным пенсионером. Впрочем, острый пронзительный взгляд свидетельствовал о том, что Каплунов крепок телом и ясен умом и не собирается отдыхать.

– Товарищ генерал! – начал я.

– Отставить, Сережа! – перебил меня он. – Ты мне не товарищ покамест.

– Товарищ генерал, – не унимался я. – Я виноват. Я готов понести самое суровое наказание. Мы провалили задание.

– Нет, Сережа, ничего вы не провалили, наоборот. Мы ведь поняли это, что вы нас раскусили практически сразу и сознательно шли в расставленные силки, наступали на все наши грабли, принимали за чистую монету все наши подделки. Вы разыгрывали из себя лопухов и дебилов, и в это же самое время кропотливо собирали улики и доказательства. А потом посадили бы нас всех до одного, невзирая на должности, звания и заслуги. Посадили бы? – Генерал тяжело опустился на стул между Гатовым и Коноваловой.

– Посадил, – кивнул я.

– Вот такой он весь – этот Калюжный! И вся эта троица – она ух какая! – Генерал повысил голос, и графин на столе робко звякнул. – А когда их будет три в одном, вы понимаете, что тогда будет?

Я тогда, товарищ писатель, смысла фразы этой не понял, но по тому, как переглянулись профессор и Настенька, догадался, что собирается произойти нечто важное, нечто особенное.

– Мы им три дэ силиконовые наукограды показываем, – продолжил генерал, глядя на Гатова. – Антигравитацию демонстрируем, биороботов, живую воду, а они в ответ кивают, но в уме подсчитывают стоимостр растрат, хищений, откатов и, конечно, тюремных сроков. Только Настенька и спасла силиконовыми имплантациями, притупила критическое мышление героев. Без нее они бы сразу взялись за табельное.

– Разрешите доложить, – вырвалось из меня, я хотел опровергнуть слова генерала относительно имплантатов.

– Не разрешаю. – Генерал наморщил нос, продолжая следовать своим курсом. – Мы, конечно, не ожидали, что муляжи обойдутся дороже оригиналов. Проще и дешевле было изначально делать все настоящим. Это все цифровая экономика, трах-тарарах...

– Вы нас расстреляете, товарищ генерал? – не выдержал длинных объяснений Баулов.

– Расстреляю? – рассмеялся Сан Саныч. – Я не сумасшедший, чтобы уничтожить такой ценный биоматериал? Да мы вас на руках носить будем. Будем ведь, будем?

– Будем! – в один голос сказали Николай Николаевич и Настенька.

– Так-то! – резюмировал Каплунов. – Это пусть западники делают ставку на роботов. А у нас другой путь. Другая судьба. Наше главное достояние – люди! Человеческий капитал! Вы вот мне скажите, профессор, смогут иностранцы когда-нибудь сконструировать робота с характеристиками человека Калюжного?

– Никак нет, товарищ генерал, никогда, – выпрямил спину Гатов. – Не придумано еще таких микросхем, что смогли заменить Сережку.

– Ну а ты, что думаешь, Настенька? – обратился генерал к Коноваловой.

– Можно я не буду отвечать? – Настенька потупила взгляд.

– Ты гляди-ка, – генерал ущипнул Настеньку за плечо. – Ты чего с ней сделал такое, Сережка?

– Вы, пожалуйста, не трогайте ее так, генерал, – попросил я, нарушая устав.

– Это почему? – удивился Сан Саныч.

– Потому что полюбил я ее, – сказал я, глядя в глаза генералу.

Я всегда говорил правду, только правду и ничего, кроме правды, старшим по званию.

– Полюбил? – нахмурился Каплунов.

– Полюбил, – подтвердил я.

– Дурак! – выругался генерал. – Она, Сережа, не женщина. Она...

– Робот? – предположил Баулов.

– Ты, майор, тоже дурак. – Сан Саныч горестно хмыкнул. – Настенька – она это, ну как его, ну как ее... ну, помогай профессор.

– Транссексуал, – пояснил Гатов. – У него, у него почти все на своих местах, кроме...

Николай Николаевич похабно закашлялся.

– Ты, Сережа, разве не почувствовал на себе руку мужскую? – добавил генерал. – Когда она била тебя?

– Это правда? – срывающимся голосом спросил я у Настеньки.

Она не ответила. Она смотрела поверх меня, на стену, на которой висел портрет Дзержинского в тяжелой золотой раме.

– Это правда? – повторил мой вопрос Баулов, голос его дрожал.

Вместо ответа полковник Коновалова зарыдала. Ее плач оказался низким и грубым, как у пьяных болельщиков в фанатском секторе. Настенька плакала, а мне хотелось кричать, но я заставил себя сдержаться. Вместо меня закричал Баулов, и я понял, что он тоже влюблен в Коновалову... а возможно, и Лохопет. А она, или он, влюблена в нас...

«Идиоты, – подумал я, – какие же мы все идиоты».

– В этом смысле ты, Сережа, конечно, прав, – разгадал мою мысль генерал. – Только ты не о том сейчас думаешь. Ты сейчас должен не самобичеванием заниматься, а старшего по званию слушать. Твое задание не закончилось, между прочим. Оно вот-вот начнется. Мы с тобой, Сережа, сделаем то, что никогда никому раньше не удавалось. Мы из тебя сделаем сверхчеловека.

– Не понял, – заявил немного пришедший в себя Баулов.

– Из тебя тоже. – Каплунов обвел всех присутствующих долгим отеческим взглядом. – Господа офицеры, настала пора раскрыть карты. В поисках источников дешевого сырья мы проделали долгий путь и вернулись обратно – назад к человеческому

материалу. Это дешево и сердито, и легко возобновляемо. Вся проблема в том, что в людях много говна и мало полезных качеств. У кого-то есть одно, у кого-то два, и реже – три, но ни у кого не бывает полного, так сказать, арсенала.

– Чтоб один человек был быком-осеменителем в домашнем жилище, ослом в труде, халдеем при трапезе, взрывчаткой на войне и компьютером при игре в шахматы, – добавил профессор Гатов.

– Это не фантазия, Сережа, это реальность. – По лицу Каплунова пробежала мечтательная улыбка. – Завтра утром мы объединим ваши лучшие качества, пропустив вас сквозь БАК.

– Через что?

– Объясни им, профессор.

– Большой адронный коллайдер, – объяснил Гатов, поправив галстук. – Изначально предназначался для разгона протонов и тяжелых ионов и изучения продуктов их соударений. С его помощью западные специалисты рассчитывали зафиксировать момент перехода материи в энергию и обратно. А мы... товарищ генерал, дальше начинается секретная информация.

– Продолжай, – махнул рукой Каплунов. – После распыления и слияния они станут единой массой и вряд ли будут помнить о своих прежних, скажем прямо, мало осмысленных жизнях либо станут беспорядочным массивом молекул, налипших на радиатор.

– Ну а мы, – успокоился Николай Николаевич, – будем по частицам разбирать и собирать человека. БАК – это такая труба со встроенным в нее вентилятором. Мы разложим вас на молекулы, пропустив через вентилятор. Балласт и шлак прилипнут к поверхности лопастей, полезные молекулы пройдут дальше и соединятся в единую личность, выпав в осадок на радиаторе. Надеюсь, вам все понятно?

– Мне непонятно, мне ничего не понятно, – сказал я генералу. – Почему вы не сказали нам об истинном задании сразу? Мы бы в любом случае были согласны, профессионалы не имеют права отказываться. И вам бы не пришлось заманивать нас в ловушку, ловить и допрашивать, создавать эту унижительную ситуацию для нас и для вас. Товарищ генерал, почему?

Каплунов издал странный звук, похожий одновременно на смех и на плач.

– Согласились бы. Все соглашаются. У нас все со всем всегда соглашаются. А когда до исполнения доходит, случается жопа. У нас все всегда хорошо на словах, а вокруг одна жопа. Огромная жопа! А они уже у наших границ. Они окружили нас.

Закончив говорить, генерал зарыдал. Его тело тряслось подобно стиральной машине во время функции «отжим». Рядом с ним плакали Настенька и Николай Николаевич. Настенька гладила Каплунова по голове, Гатов накрыл ладонь генерала своей ладонью.

Вы, товарищ писатель видели, когда-нибудь плач палачей?

А я видел. Это вам не детские слезы, это то еще зрелище, доложу вам.

Прошло несколько долгих минут, в течение которых я сначала разжаловал, а затем восстановил в звании генерала и обоих полковников – Гатова и Коновалову. То есть прощал их, и как только я их простил, они успокоились. Каплунов вытер краем скатерти слезы со щек и подбородка и посмотрел на подозреваемых. То есть на нас. Его глаза были маленькими и красными, как у новорожденного поросенка.

– Ты понимаешь, Сережа, что никто, никто не может остаться в живых, если увидит рыдающего генерала?

– Так точно.

В тот момент я действительно понимал все, вообще все, и ответил бы утвердительно на любой вопрос, кто бы его ни задал.

– Тогда, – Каплунов завис над столом, – у меня к вам обоим остался всего лишь один вопрос: где третий? Где, мать вашу, третий?

– Не понимаю! – ответил я.
– Я не понял, – повторил за мной Стас.
– Третий?
– Нас было двое. – Я поднял подбородок.
– Я и он, он и я! – подтвердил майор.
– Хорошо, я спрошу по-другому: где скрывается Лохопет?
– Не скажу, – сказал я.
Я опять говорил правду: я не знал, где Антон сейчас.
– Не скажу. – Баулов тоже решил идти до конца.
– Ну а если так? – Генерал достал из-за пазухи пачку долларовых банкнот. – Ничего не припоминаете?
– Кажется, начинаю припоминать. – Баулов жадно облизал губы.
– Сволочь, – процедил я.
– Сам ты сволочь, – ответил майор.
И мы начали драку, будучи связанными и прикованными к шатким казенным стульям. Доложу вам, товарищ писатель, это особый вид боя.
Некоторое время чрезвычайка с интересом наблюдала за нами, но потом генерал нажал кнопку звонка и приказал вошедшей охране:
– Отведите этих болванов в камеру!
Когда нас поставили на ноги и развернули лицом на выход, Сан Саныч резюмировал итог нашей встречи:
– Будете сидеть до тех пор, пока не вспомните о Лохопете. А если не вспомните, сгниете в застенках...
Как видите, генерал оказался не прав, мы не сгнили.

Глава 20. Победа

– И все же интересно, где сейчас Лохопет? – спросил я не у Баулова, а скорее сам у себя, когда нас вернули в камеру.
Мы лежали на провисших железных койках, майор наверху, я – внизу, потирая ушибленные бока. Мы вели себя так, будто и не пытались отбить внутренности друг у друга еще десять минут назад. Время миру и время войне, это правило знают друзья.
– Если Антоха остался в городе, – продолжил я свою мысль, – то попал под машину или угодил в люк, если в лесу – заблудился, если доковылял до реки – утонул.
– Как по мне, то без разницы, – ответил майор. – Главное, что как третий ингредиент он отсутствует. Слышь, полковник, а получится из нас сверхчеловек без него?
– Вряд ли, дело не столько в Антоне, сколько в том, что у них тут все под третичную систему заточено.
– Значит, есть шансы выжить?
– Не думаю. Ты бы, майор, на их месте оставил меня в живых?
– Ни за что.
– И я тоже.
– И что нам теперь делать?
– Спать. Нам нужно хорошенько выспаться перед расстрелом, – сказал я, укладываясь на койку, и в следующее мгновение услышал раскатистый храп майора.
«Хороший он парень, уравновешенный. Пожалуй, из нас получился бы сверхчеловек», – подумал я, прежде чем провалиться в сон...

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за ногу. Я открыл глаза и ничего не увидел, поскольку в камере было темно.

– Вставайте, товарищ полковник, – зазвучал приглушенный шепот. – Вставайте, майор, у нас мало времени!

– Лохопет? – предположил я за неимением других предположений.

– Это он, – подтвердил голос.

– Это как же ты оказался здесь, чертяка ты этакий, трах-тибидох? – раздался голос майора Баулова. – Стреножили тебя или сам сдался с повинной?

– Меня спас ваш костюмчик, в нем я был для всех свой. Остальные объяснения потом, если они потребуются. А пока собирайтесь, нам нужно успеть до рассвета...

– Что успеть? – спросил я, натягивая ботинок.

– Пройти через стену!

– Не понял, – сказал Баулов в свойственной ему хамской манере.

– Отставить идиотизм! – скомандовал Лохопет. – Всем прижать лоб к стене.

Перед тем как последовать приказу, а это именно был приказ, я мысленно пожаловал Антону чин лейтенанта, поскольку не имел морального права подчиняться гражданским лицам. А вот офицеру, даже младшему, при определенных обстоятельствах мог.

– Есть, лейтенант, – отрапортовал я и прислонил лоб к стене.

Баулов произнес обязательное «не понял», но повторил мой маневр.

– Концентрируйте энергию ци в районе пупка, – наставлял Лохопет, – и становитесь жидкими. Мы на восемьдесят процентов состоим из воды, пришло время этим воспользоваться. Представляйте себя водой. Становитесь водой. Очень мягко, очень спокойно, впитывайтесь в стену. Хорошо. Хорошо. Баулов, спокойней. Калюжный, отлично. Представляйте, что вы пропитали стену собой целиком. Хорошо! Хорошо! А теперь начинайте стекать с обратной ее стороны...

Я внимательно следил за словами Антона, пытаюсь представить себя водой, но не мог: мешало отсутствие какой-либо формы последней. Тогда я решил, что нужно создать воображаемый резервуар, и это сработало. Через какое-то не слишком долгое время я ощутил себя огромной железнодорожной цистерной, стоящей на насыпи перед обрывом. С трудом скрывая радость, я стал искать на себе кран, что выпустить воду наружу. Здесь, товарищ писатель, мне сопутствовала удача: я нашел на теле металлический кран-буксу и повернул.

Баулов потом доказывал мне, что я просто описался. Может, и так. А может, и нет. Как бы то ни было, через несколько минут я стоял с наружной части стены и вдыхал сырой воздух улицы. Это снова был я – подполковник-испытатель Сережа Калюжный, человек, прошедший сквозь стену. Возле меня стоял Лохопет.

– А где майор? – спросил я.

– У него возникла проблема с воображением, – ответил Антон. – Ему придется пробить себе брешь головой.

– Что? – отпрянул я.

– Ничего страшного, у него возник свой план побега. Ничего не говорите, просто послушайте. – Антон прижал палец к губам.

Я повернул ухо к стене и услышал глухие удары.

– Этот стиль называется «Путь быка». Жестко, грубо, болезненно, но и так тоже можно. Главное – результат, – пояснил Лохопет.

Как потом объяснил Антон, в отношении майора сработал кармический закон компенсации гипержелания: если ты хочешь чего-то чересчур сильно, все случается с точностью до наоборот, то есть вместо того, чтобы стать водой, майор несколько задубел.

– Мозг? – спросил я. – Он не повредит себе мозг?

Ответа я не расслышал, послышался грохот и скрежет, на асфальт посыпались щебень и камни, и в открывшемся проеме показалось могучее тело майора Баулова.

– Я не понял, – хрипло сказал он, выплюнув кусок штукатурки.

Мы стояли на улице, с ног до головы покрытые строительной пылью, наши лбы были разбиты, но мы были свободны...

– Бежим! – прокричал Лохопет.

– Отставить бежать, – приказал я.

Миссия Антона была закончена и по праву старшего бразды правления переходили ко мне.

– Мы не побежим. Нам не убежать от себя. Нам нужно очистить себя и город.

Я тогда не понимал смысла собственных слов, вероятнее всего, сработала программа, зашитая в меня еще в детстве, а может, раньше, до моего рождения. Та программа, тот генетический код, который делает нас такими необъяснимыми, хромосома, которая отличает нас от остальных людей, живущих на этой планете.

Я отряхнул одежду, перезавязал шнурки на берцах и достал из карманов телефон и часы.

– Вызываю огонь на себя! – сказал я в часы и в телефон одновременно, потому что не доверял ни одному из девайсов более чем на пятьдесят процентов, выдохнул-вдохнул и повторил: – Вызываю огонь на себя. Прием! Начинаю обратный отсчет: двадцать девять, двадцать восемь и так далее...

– Господа, может, все же дотянем до леса? – попросил Лохопет. – Выберем жизнь.

– Дорогой Антон, – объяснил я прописную истину Лохопету, – ты теперь офицер, испытатель, это значит, на тебя распространяется «Устав испытателей». Пункт один этого устава гласит: между жизнью и смертью офицер-испытатель всегда выбирает смерть. Только такой выбор делает его победителем.

Мы подняли головы и увидели в небе гиперзвуковые ракеты. Точнее, пока только слышали. Гиперзвуковыми ракеты называются потому, что звук, вызванный их полетом, на многие децибелы превышает звук от обычных ракет. Это сделано для того, чтобы хорошенько напугать цель перед ее поражением. Целью, как вы понимаете, были все мы.

Циферблат моих часов засветился, и послышался голос кукушки. Она была настойчива и грустна.

Лохопет закричал: «Теперь точно бежим!» – и побежал в неизвестном ему направлении. Баулов крепко выругался, но остался на месте. Я тоже остался. Незачем бежать, когда шансов нет.

Как положено офицеру, испытателю, тем более испытателю-офицеру, я был человеком неверующим, но даже мне в тот момент захотелось прочесть какую-нибудь молитву. И поскольку я не знал ни одной, мне пришлось подпевать механической птице, как тогда на реке Стикс.

– Ку-ку, ку-ку, – пела кукушка.

– Ку-ку, ку-ку, – подпевал я за ней.

– Ку-ку, ку-ку, – подпевал за мной Стас.

– Ку-ку, ку-ку, – вступил со второго куплета Антон. Он вернулся к нам после бесполезного метания взад-вперед, к нам и от нас, когда понял, что отступить некуда.

– Ку-ку, ку-ку, – пели все мы, как тогда, когда наше путешествие начиналось. А теперь ему приходил конец...

Вы хотите знать, товарищ писатель, почему мы остались живы? Вы, наверное, думаете, что произошло какое-то чудо. Помощь свыше. Я вас разочарую – чудес не бывает. Но зато безответственность и разгильдяйство случаются повсеместно. Я, заметьте, стараюсь не применять бранных слов. Очень стараюсь. Но внутри меня бушует Везувий. Он или они, кем бы они там не были, на том конце провода (не поймешь теперь с этими гендерами). В общем, они перепутали сразу все: время, место и средство.

Время. Они выпустили ракеты, а потом принялись за обратный отсчет, думая, что так смогут вернуть ракеты обратно.

Место. Вместо того чтобы поразить город Н, ракеты улетели в Китай.

Средство. Оказалось, что они выбрали для пуска гиперзвуковые ракеты, то есть такие ракеты, у которых вся мощь реализуется в звук. То есть от них много шума, но они не содержат в себе поражающих элементов...

Понимаете, товарищ писатель?

В этой стране все, абсолютно все как-то не так. В этой стране нет людей, способных прочесть нашу книгу. Они ее либо сожгут, либо съедят.

Что касается других героев нашей трагедии, то их конец был бесславен. Профессора Гатова арестовали. Каплунова тоже. Самолично генерал Каплунов и арестовал. Своего двойника. Мы все знали, что у Каплунова существует двойник. Ему по должности такое положено. Так вот, двойник оказался предателем, решил начать собственную игру. Как видите, не получилось. Двойник до сих пор утверждает, что настоящий генерал – это он, а нами руководит самозванец. Пусть говорит. Кто же ему поверит?

А вот Настеньку не нашли. Полковник Коновалова исчезла. Говорят, она ушла не с пустыми руками, а прихватила с собой золото партии. А для этого, знаете ли, большая сила нужна.

Я... хочу ее найти, товарищ писатель. Если придется, готов с ней поехать на каторгу. Вот выйду на пенсию и поеду.

Вы, если ее увидите, передайте слово в слово:

– Так, мол, и так, привет тебе от Сережи...